

ПАВЕЛ ПОЛЯН

«ЕСЛИ ТОЛЬКО БУДУ ЖИВ...»

12 ДНЕВНИКОВ
ВОЕННЫХ ЛЕТ

18+

En den folgenden Absätzen beschriftet:
n
ä
= die bisher gültigen Angaben werden durch
die Angaben in den nachgetragenen
die Angaben werden geffrihen

ПАВЕЛ ПОЛЯН

**«ЕСЛИ
ТОЛЬКО
БУДУ
ЖИВ...»**

12 ДНЕВНИКОВ
ВОЕННЫХ ЛЕТ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2021

УДК 94
ББК 63.3(0)62П
П54

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Полян Павел

П54 «Если только буду жив...» : 12 дневников военных лет. — СПб. : Нестор-История, 2021. — 992 с., ил.

ISBN 978-5-4469-11814-0

Это книга об эго-документах (документах личного происхождения) и книга из эго-документов. Эмпирическую ее основу составили 12 уникальных дневников военного времени, написанные представителями широкого типологического спектра участников и жертв войны — двух красноармейцев в действующей армии (особиста и штрафника), одного коллаборанта, трех военнопленных, четырех оstarбайтеров и двух лиц, переживших оккупацию, в том числе одной узницы гетто. Снабженные необходимым научным аппаратом, эти же дневники являются полноценными автономными публикациями, насыщенными неизвестными или малоизвестными событиями, деталями и ракурсами. Сами по себе такие документы — необычайная редкость, и их авторы, несомненно, услышали в себе зов истории и испытали сильнейшую внутреннюю потребность в их ведении.

Книга рассчитана на историков, архивистов и всех интересующихся историей Второй мировой войны.

УДК 94
ББК 63.3(0)62П

ISBN 978-5-4469-11814-0

9 785446 191814 0

© Полян П., 2021

© Издательство «Нестор-История», 2021

Корректоры *А. В. Семенова, М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*. Дизайн обложки *О. Д. Курта*
Выпускающий редактор *С. Г. Бочарова*

Подписано в печать 11.02.2020. Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 80. Заказ № 2111. Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Памяти Николая Поболя

*...Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Давид Самойлов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гуманитарные аспекты войны: участники и жертвы

День Победы: систематика участников войны и ее жертв	7
Участники и жертвы войны	10
Гуманитарные аспекты войны	12
Советские военнопленные в зеркале русскоязычных публикаций.....	15
Остарбайтеры в зеркале русскоязычных публикаций.....	18
О замысле и структуре книги.....	31
Эдиционные принципы	34
Список сокращений.....	36

Двенадцать дневников

<i>Коллаборант Георгий Томин (Симон). «Хочу только одного — мирной жизни...»:</i> Дневник интернированного в Лихтенштейне пропагандиста	39
<i>Особист Иван Шабалин. «Сколько людей расстреляли вы за это время?..»:</i> Дважды трофейный дневник	68
<i>Штрафник Александр Контарев. Главное на войне — выжить!</i>	84
<i>Военнопленный Анатолий Галибин. «Нам запретили белый свет...»:</i> Дневник военнопленного, извлеченный из чужой могилы	270
<i>Военнопленный Сергей Воропаев. «Жизнь в наземном аду, только без смолы»:</i> История болезни и смерти Сергея Воропаева	287
<i>Военнопленный и остарбайтер Василий Пахомов. «Сегодня жив, а завтра не знаю...»:</i> Исповедь военнопленного, ставшего остарбайтером	327
<i>Оставка Шура Михалева. О безоговорочной капитуляции ужаса и трагедии перед молодостью и любовью!</i>	340
<i>Остарбайтер Василий Баранов. Блокнот из сшитых бланков</i>	649

<i>Остарбайтер и концлагерник Анатолий Пилипенко. Гаттинген: Дневник-воспоминание</i>	711
<i>Остарбайтер и трудбательоновец Борис Андреев. На память о гитлеровских шахтах и сталинском лесоповале</i>	738
<i>Переживший оккупацию Николай Саенко. «...Немцы насолили так, что будут помнить долго». Летопись оккупации Таганрога</i>	801
<i>Уцелевшая в гетто Тамара Лазерсон. Дневник Тамары</i>	892

Вместо заключения: синдром Пимена, или Зов истории

Систематика эго-документов и дневники как исторический источник.	971
Отклик на зов, или Дневники как исторический источник.	974
XX век: отмирание дневников?	977
Дневники военного времени: анализ информационной эмпирики.	982
Библиография	986

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ: УЧАСТНИКИ И ЖЕРТВЫ

День Победы: систематика участников войны и ее жертв

В интервале между 7 и 9 мая 1945 года дважды — в Реймсе и в Карлсхорсте — Третий Рейх подписывал акты о полной и безоговорочной капитуляции. Это была не только великая победа союзной коалиции над гитлеровской Германией в грандиозной войне на европейском театре военных действий — это была и победа над преступной идеологией и над преступным государством-убийцей. Победителей не судят, и собственные преступления советской власти (Большой террор, Голодомор, Катынь) легко и надежно было укрывать за ширмой чужих.

С той поры в сознании советского народа зародилось и очень прочно укоренилось представление о 9 Мая как о всенародном празднике Дня Победы — главном празднике светского календаря. Уже то, как — совсем еще недавно, когда ветераны еще были в живых, — протекало в этот день спонтанное народное гуляние перед Большим театром или на Поклонной Горе и без всякого нажима и понукания со стороны властей, — говорило о том, что праздник этот — в сердцах и душах, что он прижился, что он желанен и любим.

Но и власть далеко не статист на этом празднике: официальные торжества — в ее руках и под ее контролем, но и низовые, народные инициативы она не прочь оседлать и «возглавить», как это произошло с «Бессмертным полком».

За вычетом 1955 года, когда День Победы практически не отмечался¹, — каждое новое десятилетие праздник достигал все новой и новой степени своей кульминации. И если в 1985 году он все еще уступал по своей государственной значимости юбилеям Великой Октябрьской социалистической революции, то в 1995 году «Революция» явно забуксовала в колеях гласности, и «Победа» определенно вырвалась вперед.

Но каждая новая декада этого Дня поэтому была и похожа, и непохожа на предыдущую. Похожими их делал тупой идеологизм культурно-пропагандистской политики ЦК КПСС, именно в вопросах военно-исторических и военно-патриотических всегда искавший и всегда находивший свой апогей. Поручиком и гарантом этой зашоренности, косности и заскорузлости был уникальный, монструозный и властный гибрид советской однопартийной и военной

¹ Между 1947 и 1964 гг. он был обычным рабочим днем, отличавшимся от всех остальных разве что специальным выпуском газеты «Правда», торжественным заседанием в Большом театре вечером накануне и вечерним салютом.

систем — «Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского Флота» (сокращенно ГЛАВПУ или, по старинке, ГЛАВПУР).

Организационно ГЛАВПУ состоял из управлений (например, пропаганды и агитации, организационно-партийной работы, кадров) и отделов (комсомольской работы, военно-социологических исследований и др.). Но самое, быть может, интересное в его организации — это то, что начиная еще с 1924 года и до сентября 1990 года этот военный, как кажется, орган действовал на правах... Отдела ЦК ВКП(б) или КПСС! Именно здесь вырабатывалась идеологическая и пропагандистская доктрина советского государства, навязывавшаяся всему обществу, а не только казармам и штабам.

Такой расклад, впрочем, был вовсе не в пользу армии: ГЛАВПУ являлся в первую очередь инструментом контроля партии над армией, не раз и не два пытавшейся ослабить этот контроль. Все это ставило начальника ГЛАВПУ в совершенно особое, фактически независимое и во многом даже конкурентное положение по отношению к министру обороны. В вопросах истории и идеологии запретительная позиция ГЛАВПУ, как правило, была заметно жестче и радикальней позиции военного министра и даже позиции «профильных» отделов ЦК КПСС¹.

В культивировавшемся сверх советском мифосознании Великая Отечественная — это исключительно ратные подвиги, это генералиссимус и его маршалы, склоненные над штабными картами, это героические Зоя Космодемьянская с петлей на шее, Александр Матросов на амбразуре и краснодонцы в пыточной гестапо², это алое знамя над черно-белым Рейхстагом. Соответственно, и негласное правомочие на причастность к торжествам имеют не все, а только генералитет, герои и ветераны боевых действий. Ну, разве

¹ Во главе общевойсковых (без учета отдельных военно-морских) политорганов в разное время стояли В. А. Антонов-Овсеенко (1923–1924), А. С. Бубнов (1924–1929), Я. Б. Гамарник (1929–1937), П. А. Смирнов (июнь 1937 — 30 декабря 1937), Л. З. Мехлис (1937–1940), А. И. Запорожец (1940–1941), снова Мехлис (1941–1942), А. С. Щербаков (1942–1945), И. В. Шикин (1945–1949), Ф. Ф. Кузнецов (1949–1950), К. В. Крайнюков (1950), снова Кузнецов (1950–1953), А. С. Желтов (1953–1958), Ф. И. Голиков (1958–1962), А. А. Епишев (1962–1985), А. А. Лизичев (1985–1990), а также Н. И. Шляга (1990–1991). Абсолютным рекордсменом по пребыванию в этой должности, вобравшим в себя всю брежневско-черненко-скую эпоху, был генерал армии Алексей Алексеевич Епишев (см.: *Сулла, 1993*).

² Причем как такового гестапо (тайной государственной полиции) на оккупированных землях не было, оно оперировало только внутри Рейха. На оккупированных же землях свирепствовали различные немецкие военно-полицейские ведомства — чаще всего подразделения СД и тайная полевая полиция, усиленные локальными «службами поддержания порядка» — полицией из местного населения. Тем не менее термин «гестапо» настолько прижился, буквально врос в сознание советских граждан, что мы встречаем его в дневниках, написанных под оккупацией. Следуя этой традиции, мы пользуемся им в этой книге в качестве обобщающей метафоры немецкой оккупационной полиции.

что еще партизаны и подпольщики в тылу врага вписываются в этот же миф и размещаются в светлой части спектра — на рампе героев.

Но была и другая сфера спектра. Среди полвека не признававшихся ГЛАВПУРом участниками войны были и миллионы военнопленных (по мифу — потенциальные предатели), и десятки миллионов гражданского населения оккупированных врагом территорий, как угнанного, так и не угнанного в Германию (по мифу — потенциальные пособники врага). Среди мирных цивилистов особые категории составляли евреи и цыгане как объекты истребительной национал-социалистической политики.

С первых же дней оккупации на советской территории планомерно и систематически убивали евреев. Только за то, что они евреи. Сколько еще можно в стране, на которую пришлось добрая половина шестимиллионного еврейского мученика, делать вид, что расстреливали не евреев, а каких-то безличных «советских мирных граждан»? И даже на концлагерников смотрят у нас с подозрением: сколько же их, по возвращении на родину, пересажали по новой! Да и то сказать: большинство из них — те же евреи да бывшие военнопленные.

Но сама Великая Отечественная — не только война, но и трагедия, и нуждается в более сосредоточенном и глубоком к себе отношении, в более целостном и, если хотите, в более скорбном осмыслении событий тех лет — событий, не умещающихся в рамках военной истории только.

Равноуважительное к себе отношение — пусть и после их смерти, постфактум, — необходимо ко всем участникам и жертвам войны — и к ветеранам-красноармейцам, и к партизанам, и к военнопленным, и к оstarбайтерам (остовцам и остовкам), и к другим гражданским жертвам нацизма (например, к тем, кто оказался под оккупацией, как и к тем, кто оказался в эвакуации).

Уместно напомнить и о том, что это была Великая Отечественная война Советского Союза — единая война единого государства, а не каких-то российских, украинских или казахских полков. Общая и неделимая судьба и у всех жертв этой войны. И с этой точки зрения выплата компенсации жертвам принудительного труда в разных независимых государствах по отдельности и по разным регламентам — грубая историческая ошибка, замешанная на превратно понятой суверенности и обернувшаяся в итоге и урезанием общей доли в денежном «пироге», и позором борьбы друг с другом за эти доли.

Людей как бы поставили по две стороны незримых баррикад, но разве они виноваты в этом? И сама война, и принесенные ею страдания и горе были едиными и всенародными, были общими и неделимыми, — давайте же перестанем бить себя в грудь кулаком, рвать на себе тельняшку и звенеть орденами! Давайте прислушаемся молча к крикам отправляемых в газовни и к расстрельным залпам, к стуку кованых сапог в двери изб и квартир, к немому отчаянью голодных обмороков и бесшумным стежкам иголки, наметывающим на кофту ненавистную желтую или бело-голубую нашивку.

Прислушаемся друг к другу, пойдем друг друга, а если уже можно — то и простим!..

Давайте прислушаемся к тем и всмотримся в тех, кого невозможно включить в круг жертв войны, но и невозможно исключить из круга ее участников. Вглядимся в лица наших бывших врагов — военнослужащих и полицейских Третьего Рейха, Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, той же Японии, в конце концов! В их числе — и в лица тех русских коллаборантов, которые, или презрев присягу, как красноармейцы, или не презрев ее, как эмигранты, сражались на другой стороне.

Спустя 75 лет после окончания войны уже пора перестать ненавидеть их, презирать и клеймить, пора перейти к их изучению и пониманию.

Участники и жертвы войны

Самыми массовыми, наряду с евреями, категориями жертв войны были советские военнопленные и советские принудительные рабочие (остарбайтеры).

Миллионы красноармейцев, особенно в начале войны, сдались — добровольно или насильно были захвачены — в немецкий плен. Миллионы остарбайтеров были угнаны — добровольно или против их воли — в немецкую трудовую кабалу. Подчеркну, что в обоих случаях добровольцев было совсем немного.

Где бы и как бы ни протекали их плен или принудительный труд — на оккупированной ли родине или в Третьем Рейхе, на родине врага, повсюду судьба их ветвилась одинаково: или смерть, или рабский труд, или измена присяге.

Немецкая юстиция конца 1990-х годов оказала им большую «честь» — фигурировать в качестве одной из категорий совершенно нормальных военнопленных, находившихся под защитой Международного Красного Креста (наподобие американских, английских, французских или польских). Историческая наука, правда, решительно не подтверждала такой уравнительной интерпретации. Уподобление между тем некорректно: если у несоветских военнопленных в немецком плену смертность колебалась вокруг 5%, то у советских она составляла 58% (3,3 млн погибших делают их второй, после евреев, группой).

Того, что мы знаем о политике Третьего Рейха по отношению к советским военнопленным, более чем достаточно для того, чтобы квалифицировать их как особую категорию жертв национал-социалистических преследований, правомочную на получение компенсации. Однако немецкий Закон о компенсационном фонде был сконструирован таким образом, что против его официальных интерпретаторов ничего нельзя предпринять. Жертвы двух диктатур, советские военнопленные, стали еще и жертвами нескольких демократий. И запоздавшая немецкая компенсация советским военнопленным 2015–2017 годов — это, в сущности, не компенсация, а приз за исключительную, несмотря ни на что, живучесть!

Миллионы военнопленных, попав в Германию, оказались рядом с другими миллионами сограждан — остовцев, или «остарбайтеров». Так, выхлостив даже след их национальной или государственной принадлежности, называли немцы своих гражданских рабов из СССР. Угнанных с завоеванных на востоке земель, подчас с не меньшей brutality, чем военнопленные, таких же бесправных и голодных, их привезли в Рейх с точно такой же целью: выжимая последние соки, залатать их мускулами, их подневольным потом и непосильным трудом брешу в трудовом балансе государства. Взамен собственных, призванных в армию, рабочих и крестьян Германия собрала у своих станков и на своих полях миллионы пар рабочих рук, в том числе и советских военнопленных и гражданских рабочих.

Трудоотдача или, по крайней мере, трудоспособность стали едва ли не единственным, что все же поддерживало относительную ценность человеческой жизни, ставшей в военное время поистине разменной монетой войны. Да и труд в те годы был почти сплошь подневольным и стоил недорого.

Когда же 1418 дней войны истекли, уцелевшие в Рейхе военнопленные и остовцы (к ним следовало бы добавить и новую группу сограждан — добровольцев-беженцев и насильственно эвакуированных) оказались перед тройным и незавидным выбором: могила — невозвращенчество — принудительная репатриация.

«Родина ждет вас!» — агитировали советские офицеры по репатриации. «Родина ждет вас, сволочи!» — переименовывали невозвращенцы. «Добровольцами смерти» называли они репатриантов.

И все же большинство, отбросив все страхи и сомнения, возвратилось на Родину. На родину, но отнюдь не домой, — иных этапировали в спецконтингент, но особенно много было таких, кому снова пришлось потрудиться не по своей воле — на этот раз на советское государство. И снова их пот, их мускулы, их непосильный труд бессовестно и насильно были изъяты у них и у их семей — в качестве своеобразной мзды за все лишения и мытарства военных и послевоенных лет.

Ощутить себя полноценными гражданами им, увы, дано не было.

Кем же были они тогда?

Гражданами второго сорта, не вызывающими доверия репатриантами, чуть ли не диверсантами — предателями с навсегда испорченными анкетами и листками учета кадров.

Вместе с тем советские военнопленные и остарбайтеры — это классический пример громадных и по охвату, и по значению исторических феноменов, которые в СССР десятилетиями положено было не замечать, точнее, делать вид, что их вовсе не было.

Отчасти тут срабатывало уродливо-своеобразное «совпадение интересов» государства и граждан. Государству такие напоминания были «неудобны» и «неприятны»: ведь тем самым признавалось бы, что блистательный победитель потерпел на первом этапе войны целую серию сокрушительных поражений, оставив на поле боя и в сборных пунктах для пленных

красноармейцев миллионы душ и преступно допустив оккупацию столь громадной части своей территории, что поставил другие миллионы граждан в безвыходное положение перед лицом немецких «вербовщиков».

Для бывших военнопленных и оstarбайтеров это было тем более опасно и страшно, поскольку за стратегическую бездарность и государственное бесстыдство своих вождей и командиров они и так уже расплачивались пожизненным «клеймом» изменников, фашистских наймитов и пособников, своим трудом усиливавших врага и таким образом предававших Родину. В стране абсолютного бесправия эти миллионы несчастных были еще более, нежели другие, ущемлены в правах и поставлены перед необходимостью избегать малейших упоминаний о вынужденном путешествии в Третий Рейх.

Жестокая воля и суровая жизнь свела военнопленных и оstarбайтеров вместе, свила их трагедию воедино, в некий общий исторический сюжет, и эта встреча и эта общность, естественно, отразились на этих страницах.

Каторжный труд или вспомогательная служба в добровольческих формированиях вермахта или СС — вот, пожалуй, наиболее распространенные варианты судьбы советского военнопленного в немецком плену, в том числе и на территории Рейха. Но сам диапазон этих судеб гораздо шире: от подвергнутых медицинским экспериментам и от казненных евреев, комиссаров и концлагерников-штрафников до участников экзекуций с другой стороны — рядовых палачей из зондеркоманд и от бежавших к макизарам или четникам героев Сопrotивления до вхожих в высокие берлинские кабинеты советских генералов в немецкой, с иголки, форме Русской Освободительной Армии. Все это очень далекие траектории, и если их что-то и объединяет, то только одно: трагичность, навязанная извне.

Большинство из тех миллионов военнопленных и оstarцев уже умерли, но многие — а самым «юным» из них (прихваченным в Германию детям от десяти лет) тоже уже за девяносто — живут и поныне, впервые подав голос и заявив о себе лишь в конце XX столетия.

Гуманитарные аспекты войны

Историография гуманитарных аспектов войны — трагедии оказавшихся под оккупацией, оstarцев и военнопленных — начала складываться еще при советской власти, но истинное развитие приобрела только в постсоветское время, после того как с этих тем был снят (точнее, сбит) главпуровский запрет.

Не находилось для них места ни в учебниках, ни в справочниках, ни в энциклопедиях! Какие-то сомнительные миллионы подозрительных личностей!..

Гуманитарные аспекты войны были в СССР даже не в загоне — они были табу: писать о них категорически не рекомендовалось. Не занимались ими ни эмигранты, ни историки-диссиденты.

Хотя и сказать, что они вовсе игнорировались в официальных документах Советского правительства даже во время самой войны, нельзя. Там

и тогда, где их упоминание сулило те или иные политические барыши, такие упоминания ничтоже сумняшеся производились и сопровождалась ручьями дипломатических слез¹.

Разница в подходе к проблеме оstarбайтеров и военнопленных между разными ведомствами просто бросается в глаза. Так, Наркомат (позднее Министерство) иностранных дел работал «на экспорт» и выдавал наружу, для мировой общественности, сигналы о заботе советского правительства о своих гражданах, но реальную политику по отношению к этим самым гражданам вершили — и без лишней сентиментальности — в других наркоматах — не дипломаты, а чекисты и военные.

Впрочем, и те, и другие, и третьи (органы советской пропаганды) остро нуждались в оперативной информации о немецких зверствах, то есть о преступлениях вермахта и оккупационной администрации на фронте и в тылу. И такая информация в годы войны и собиралась, и публиковалась. Историографически она явно недооценена — отчасти по своей малоизвестности и труднодоступности, а отчасти по пренебрежению к априори пропагандистскому характеру такого рода изданий. Вот их далеко не полный перечень².

Зверства германских фашистов. Сборник материалов. М.: Госполитиздат, 1941. 61 с.;
Зверства гитлеровских разбойников. [Сборник]. Новосибирск: ОГИЗ, Новосибириз, 1941. 28 с.;

Зверства немецких захватчиков. Факты и документы. М.: Воениздат, 1941. 47 с.;

Зверства немецких разбойников. [Статьи из газет]. Махачкала: Даггиз, 1941. 18 [1] с.;

Зверства фашистов над пленными и ранеными красноармейцами. [Сборник]. Куйбышев: Воениздат, 1941. 48 с. (Библиотека красноармейца);

Зверства фашистских людоедов. М.: Воениздат, 1941. 22 с.;

Зверства фашистских людоедов. [Акты и свидетельства очевидцев]. Пенза: газ. «Сталинское знамя», 1941. 16 с.

Веселов В.Р., Потемкин Ф.Г. Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 1. М.: Воениздат НКО СССР, 1942. 48 с.

Веселов В.Р., Потемкин Ф.Г. Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 2. М.: Воениздат НКО СССР, 1942. 80 с.;

¹ Блистательными образчиками таких «ручьев» являются ноты народного комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» от 25 ноября 1941 г., «О практике объявления гражданских лиц военнопленными и установлении для них тем самым нечеловеческого режима» от 6 января 1942 г., «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» от 27 апреля 1942 г., «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих невольный труд советских граждан в Германии» от 11 мая 1943 г., а также Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы, от 14 октября 1942 г.

² В его подготовке принял участие и Н.Л. Поболь.

- Зверства, грабежи и насилия немецко-фашистских захватчиков. [Сб.] Л.: ОГИЗ, 1942. 142 с.;
- Зверства немецких захватчиков. (Факты и документы). М.: Воениздат, 1942. 50 с.;
- Зверства немецких захватчиков. (Факты и документы). Казань: Воениздат, 1942. 78 с.;
- Зверства немецких оккупантов в Витебске. [Письмо советских граждан, вырванных из фашистского плена]. Хабаровск: ОГИЗ, Дальгиз, 1942. 12 [2] с.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 5. М.: Воениздат НКО СССР, 1942. 88 с.;
- Зверства немцев над пленными красноармейцами. [Рассказы бежавших из плена; документы и факты]. М.: Воениздат, 1942. 62 с. (Библиотека красноармейца);
- Зверства фашистских людоедов. [Акты и свидетельства очевидцев]. Пенза: газ. «Сталинское знамя», 1942. 16 с. (Библиотечка агитатора и пропагандиста. Вып. 48. Сер. «Кто такие немецкие фашисты и чего они хотят», кн. 11, 5100 экз.);
- Зверства фашистских людоедов. [Статьи]. Пенза: газ. «Сталинское знамя», 1942. 16 с. (Библиотечка агитатора и пропагандиста. Вып. 87. Сер. «Кто такие немецкие фашисты и чего они хотят», кн. 17, 5100 экз.);
- Зверства немецких захватчиков. Документы [Сборник статей из газет]. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. 46 [2] с.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы / сост. Боговис. М., 1943;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып.6. М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 62 с. С. 4–19, 61–62;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып.7. М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 76 с.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 8. М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 48 с.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 11. М.: Воениздат НКО СССР, 1943. 48 с.;
- Зверства немецко-финских захватчиков. Сборник документов и рассказов очевидцев / сост. Н. Шитов. [Тег-Озеро], 1943;
- Зверства фашистских варваров. Указатель фактов, опубликованных в печати / сост. М. С. Воинов. М., 1943. 182 с. (Тираж 1000 экз.);
- Зверства немецких фашистов в Керчи. Сборник вопросов пострадавших и очевидцев. Сухуми: Красный Крым, 1943. 106 с.;
- Зверства немецких извергов. Сборник материалов о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских извергов в Ленинградской области. Л.: Воениздат, 1944. 44 [4] с.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 12 / сост. Ф. Ф. Матросов. М.: Воениздат, 1944. 64 с.;
- Зверства немцев в Советской Эстонии (Материалы в помощь агитатору). Л.: Воениздат [Отделение при Ленингр. фронте], 1944. 24 с. (Составлено по материалам газ. «Советская Эстония»);
- Зверства немецких оккупантов в Кабарде. Нальчик: Госиздат КАСССР, 1945. 88 с., ил.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 13 / сост. Ф. Ф. Матросов. М.: Воениздат НКО СССР, 1945. 84 с. (По областям УССР);
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 14 / сост. А. А. Карлов. М.: Воениздат НКО СССР, 1945. 80 с.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 15. М.: Воениздат НКО СССР, 1945. 80 с.;
- Зверства немецко-фашистских захватчиков в районах Сталинградской области, подвергавшихся немецкой оккупации. Документы / под общ. ред. А. С. Чуянова. Сталинград: Обл. кн-во, 1945. 76 с.

В 1943 году вышел первый систематический указатель сообщений о зверствах, опубликованных в советской печати между 22 июня 1941 и 31 июня 1942 года¹.

Советские военнопленные в зеркале русскоязычных публикаций

Применительно к военнопленным задачу обобщения и осмысления преступной немецкой политики по отношению к ним взяла на себя, вопреки официозу, русская литература, точнее, проза, намного опередившая историков с их зависимостью от колеблющегося на флагштоках истории официоза.

Еще в 1943 году, то есть по самым что ни на есть горячим следам (*sic!*), Константин Воробьев написал свою автобиографическую повесть о плене «Это мы, господи!..». В 1946 году он передал ее в «Новый мир». Но, как справедливо пишет М. Г. Николаев: «Не только тема плена, но и сам уровень правды в передаче событий войны надолго исключили возможность ее публикации»². Эта повесть — переждав эпохи позднего Сталина, Хрущева и Брежнева — впервые была опубликована только в 1986 году, то есть спустя 40 лет!³

Впрочем, первые литературные «ласточки» вырывались наружу и в хрущевскую оттепель — это произведения Юрия Пиляра (1955)⁴, Софьи Анваер⁵, Михаила Шолохова («Судьба человека», 1956), Сергея Голубкова (1958)⁶, Владимира Бондарца (1960)⁷, Степана Злобина (1962)⁸, Леонида

¹ Составитель (М. С. Воинов) учел официальные публикации, сообщения Совинформбюро, а также публикации и корреспонденции в газетах «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Красный флот», «Правда» и «Труд». Тематически сборник разбит на шесть разделов: I. Ноты советского правительства о зверствах фашистских извергов; II. Чудовищные документы современных каннибалов; III. Зверства над пленными красноармейцами, краснофлотцами, командирами, политработниками и партизанами; IV. Зверства над детьми; V. Зверства над взрослым населением; VI. Уничтожение культурных ценностей и памятников. При этом заметим, что здесь мы имеем дело не с библиографией в строгом смысле этого слова, хотя бы и аннотированной, а с подробнейшим сводом кратких фактических справок о немецких зверствах, приводимых по возможности текстуально. Поэтому более чем уместны именной и географический указатели, помещенные в конце сборника (интересно, что в именованном учтены только жертвы, но не палачи).

² См. его предисловие к подготовленной им же публикации: *Русский человек, 2003*.

³ *Воробьев, 1986*. С. 96–153.

⁴ *Пиляр, 1955а, Пиляр, 1955б* (в начале 1956 г. в московском издательстве «Советский писатель» вышло ее отдельное издание. См.: *Пиляр 1956*).

⁵ *Анваер, 1956*.

⁶ *Голубков, 1958*.

⁷ *Бондарец, 1960*.

⁸ *Злобин, 1962*.

Волынского (1963)¹, Анатолия Кузнецова (1966)² и др. Большинство этих произведений было написано в согласии или, по крайней мере, не в противоречии с общесоветской трактовкой плена, — приемлемого только в случае сопротивления, геройской гибели или, на худой конец, побега. То, что не вписывалось в эти установки, просто-напросто отбрасывалось.

В середине 1950-х, на волне хрущевских разоблачений сталинизма, появились и первые книги о фашистских концлагерях и о лагерном Сопротивлении. Одной из первых ласточек явилась книга Ю. Пиляра «Все это было!». Софья Анваер, узница нескольких шталагов и концлагеря Штутгоф, так описала свое знакомство с ней: «Я начала читать книгу Пиляра вечером, ночью перевернула с последней страницы на первую, прочла еще раз, встала и пошла на работу. Написала автору, он тут же позвонил, встретились. Послушав мои рассказы, он сказал: “Ты должна написать”. Поставила перед собой задачу написать о том, как попадали в концлагерь (у Пиляра описан только сам лагерь). Написала, отнесла в журнал “Знамя”. Рукопись приняли, посмотрев на меня, как на графомана, велели зайти через две недели... Принесла я рукопись в апреле, а в девятом номере 1956 года ее уже опубликовали под названием “Незабываемое” (мое название было “Сопротивление”) практически без редактирования»³.

Но даже жуковской реабилитации военнопленных 1955–1956 годов⁴ оказалось недостаточно, чтобы затвердить в журналах тему плена как такового. Та же С. Анваер вспоминала, как трудно ей давались воспоминания о дулагах в Вязьме и Смоленске: «Написав десяток страниц, бросила — слишком тяжело было не только писать, но и читать было невыносимо тяжело» (*Анваер, 2005*. С. 184). Но хуже всего — с репатриацией: «Воспоминания о спецпроверке не стали печатать нигде. Обиды от своих тяжелее, хотя условия (у меня, по крайней мере) были легче»⁵.

Симптоматично, что повести К. Воробьева — в точности так же, как и повести Семина об остарбайтерах (см. ниже), — предстояло еще десять лет пылиться в редакторских столах, а ничего другого художественно соизмеримого тема немецкого плена в это время не дала. Поэтому не удивительно, что тема эта начала просачиваться в печать, во-первых, через мемуаристику, а во-вторых — через провинцию.

Кажется, первыми опубликованными в СССР воспоминаниями бывшего советского военнопленного стала книга Дмитрия Иванцова «Во власти безумия», впервые вышедшая в г. Новозыбкове Брянской области в 1980 году фантастическим тиражом в 50 экземпляров⁶. Автор последовательно описы-

¹ *Волынский, 1963*.

² Глава «Дарница» в: *Кузнецов, 1966*.

³ *Анваер, 2005*.

⁴ См. об этом в: *Полян, 2002*. С. 586–594. См. также: *Полян, 1996*.

⁵ К теме плена она вернулась только зимой 1992–1993 гг., и тут оказалось: «...если по более свежим следам я пыталась смягчить ужас пережитого, чтобы возможно было читать, то через 50 лет ужас ушел сам, и оказалось почти невозможно его передать».

⁶ *Иванцов, 1980*.

вает этапы своего плена — лагеря в Новоархангельске, Умани, Виннице и Ровно (побег, возврат, желтые повязки с надписью «ТК» — Totenkommando), в конце февраля 1942 года — транспорт в Рейх, в шталаг XI В Бад-Эрбке, где он постепенно попадает в организацию под названием «СФ» («Смерть фашизму!») и в Подпольный комитет. Завершается книга Маутхаузенем и его различными филиалами¹. Вместе с тем время выхода книги наложило на нее определенную печать. Так, Д. Иванцов не называет ни национальности Минца (одного из руководителей лагерного Сопротивления), ни обстоятельств, вызвавших появление его псевдонима.

Во второй половине 1980-х годов воспоминания бывших советских военнопленных начали появляться и на Западе. Их существенной особенностью было то, что принадлежали они перу так называемых «невозвращенцев» — то есть тех бывших советских граждан, кто решил остаться на Западе и сумел избежать насильственной репатриации. Наиболее известны два тома из основанной А. И. Солженицыным и выпускаемой издательством YMCA-Press книжной серии «Всероссийская мемуарная библиотека. Серия: Наше недавнее». Один из томов составили мемуары Ф. Я. Черона и И. А. Лугина², другой — П. Н. Палия и Н. В. Ващенко³. Есть и другие сходные издания⁴, а попыткой обобщить такого рода литературу стала монография И. А. Дугаса и Ф. Я. Черона «Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным» (1994)⁵.

Спустя два года, в 1996 году, вышла моя монография «Жертвы двух диктатур. Военнопленные и оstarбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация», о которой подробнее будет сказано ниже, в главке о русскоязычной историографии оstarбайтеров.

В 2005–2011 годах я выпускал в издательстве РОССПЭН книжную серию «Человек на обочине войны». За шесть лет вышло одиннадцать книг, семь из которых — полностью или частично — были посвящены эго-документам бывших советских военнопленных. В частности, дневникам Анатолия Галибина, Сергея Воропаева и Василия Пахомова («Нам запретили белый свет...», 2006) и воспоминаниям Софьи Анваер (2005), Петра Астахова (2005), Юрия Апеля (2008), Дмитрия Чирова (2010), Юрия Тугова и Александра Малофеева («Беглецы из плена», 2010) и Анатолия Деревенца, Василия Тимохина и Георгия Терешонкова («Сквозь две войны, сквозь два архипелага...», 2007).

Вне этой серии я выпустил еще две книги из этого же ряда: в «Новом издательстве» книгу Дмитрия Левинского «Мы из сорок первого...» (2005)⁶

¹ Интересная деталь: упоминание успешного «побега» и перехода военнопленного Козлова в лагерь для оstarбейцев (с. 74).

² Черон, 1987; Лугин, 1987.

³ Палий, 1987; Ващенко, 1987.

⁴ Панарин, 1994.

⁵ Дугас, Черон, 1994.

⁶ Левинский, 2005.

и сборник воспоминаний и материалов о советских военнопленных-евреях «Обреченные погибнуть» (2006, совместно с Ароном Шнеером)¹.

В этом издании, специально посвященном **дневникам** военного времени, уместно подчеркнуть, какую редкостью являются дневники советских военнопленных. Оно и понятно: готовых их писать всегда мало, писавших еще меньше, а из написанных дневников уцелели считанные единицы.

В замечательном проекте «Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников» (инициатор и руководитель Михаил Мельниченко)² встречаем всего пять таких дневников, в том числе три, предоставленных в свое время мной (опубликованные дневники Сергея Воропаева, Анатолия Галибина и Владимира Пахомова — речь о них ниже). Два остальных — это дневники Виктора Алексеевича Лапина и Павла Федоровича Фролова.

О лапинском дневнике мы знаем только, что его автор ленинградец и что сам дневник хранится в семейном архиве Ирины и Владимира Тимофеевых, его правнучки и праправнука.

Сведения о фроловском менее скупы. Автор до войны работал в колхозе в Константиновском районе Луганской области. Призван был райвоенкоматом 23 июля 1941 года и служил в 19-й армии Западного фронта. 15 октября под Вязьмой попал в плен, после чего его маршрут пролегал на запад: Смоленск, Митава, Ковно (декабрь 1941), Гёрлиц (август 1943), окрестности Катовиц, где работал в шахте. Из плена его освободили американцы 17 апреля 1945 года.

В плену Фролов вел дневник — крошечный: в его распоряжении была лишь самодельная книжица, состоявшая всего из 8 листов, с редкими записями между 15 октября 1941 и 1 марта 1945 года. Писал он кусочком карандаша, припрятанным в голенище сапога, — там же, где и сам дневник. Фрагменты дневника были опубликованы³. Основное содержание — фамилии, имена и адреса места жительства встретившихся ему заключенных, вероятней всего, погибших⁴.

Остарбайтеры в зеркале русскоязычных публикаций

Когда говорят пушки, когда грохочет война, цена человеческой жизни — ноль.

Вторая мировая война дала пример беспрецедентного цинизма по отношению к военнопленным и жителям оккупированных территорий.

¹ *Обреченные погибнуть*, 2006. В 2013 г. (фактически в 2014) эта книга была переведена на иврит и выпущена издательством Яд Вашема.

² См. в Сети: <https://prozhito.org/>.

³ См.: Из дневника бывшего военнопленного / публ. В. Градобоева. В Сети: сайт «Константиновск.ру», 19 февраля 2014 г. (<http://konstantinovsk.ru/news/19-02-2014/iz-dnevnik-a-byvshego-voennoplen-nogo>).

⁴ На это следовало бы обратить внимание администрации ОБД «Мемориал».

Каждая новая оккупационная зона — это не только штандарты со свастикой на сакральных зданиях поверженных столиц, не только урожаи на полях и полезные ископаемые в глубинах недр, но еще и новые резервуары копеечного труда.

А перегревшаяся машина Третьего Рейха требовала себе все больше и больше рабочих рук — взамен собственных рабочих и крестьян, призываемых воевать. С этой точки зрения, просторы Советской России — это не только украинский хлеб, донецкий уголь и майкопская нефть, но и возможности рабского труда на заводах и фабриках, стройках и каменоломнях, сельских и даже городских домохозяйствах в Германии и повсюду, куда простиралась власть вермахта. Советских военнопленных и гражданских рабочих («остарбайтеров», как их величали хозяева, или «остовцев», «остов», как они называли себя сами) можно было встретить и в Норвегии, и во Франции, и в Румынии, и даже в... Англии (на Джерси, Олдерни и других захваченных немцами британских островах в Ла-Манше)!

Советская историография отделялась общими фразами о разоблаченном в Нюрнберге преступном нацистском режиме. Но интересно, что сборник документов под заглавием «Немецкая каторга», еще в 1943 году подготовленный Чрезвычайной государственной комиссией по расследованию национал-социалистических преступлений, хотя и был использован советской стороной на Нюрнбергском процессе, но так и не был напечатан¹. Политкорректные письма остовцев и кое-какие документы впервые увидели свет в сборниках «Письма с фашистской каторги» (1947, на украинском языке)² и «Преступные цели — преступные средства» (1963, на русском)³.

Если же говорить о репатриации советских граждан, то здесь как раз литературы было сколько угодно, но литературы специфической, сугубо пропагандистской. Малоформатные книжечки и брошюрки последних военных месяцев и первых послевоенных лет с характерными названиями типа «Домой на Родину», «Они вернулись на родину», «Родина знает о твоих муках» и т. п. были в равной степени рассчитаны и на бывших военнопленных, и на остарбайтеров.

В этом же — пропагандистском — ряду стоит упомянуть и пьесу «Я хочу домой» Сергея Михалкова, удостоенную Сталинской премии второй степени за 1946 год. В ней повествуется о борьбе советских офицеров по репатриации Добрынина и Сорокина с английскими офицерами Куком, Скоттом и Эйтом, ни за что не желавшими отпустить на Родину маленьких граждан Страны Советов — Сашу Бутузова и Иру Соколову⁴.

¹ И. Эрбург, дочь И. Г. Эренбурга, утверждала, что сборник все же вышел, правда, весьма ограниченным тиражом. Обнаружить хотя бы библиографические следы этой публикации не удалось.

² *Письма с фашистской каторги, 1947.*

³ *Преступные цели, 1963.*

⁴ В 1949 г. пьеса была экранизирована. Свообразным «ответом» русской литературной эмиграции может считаться рассказ А. Седых «Миссии Кати Джексон», повествующий о фиктивном браке русской остовки Кати и английского офицера

Ту же идеологическую нагрузку — но в контексте не начала, а разгара холодной войны — несла и книга полковника А. Брюханова «Вот как это было. О работе миссии по репатриации советских граждан. Воспоминания советского офицера», вышедшая в Политиздате в 1958 году. Ее автор, в свое время возглавлявший советскую репатриационную миссию в английской оккупационной зоне в Германии и в Дании, стремился показать всему прогрессивному человечеству, как и зачем «вместо того, чтобы помочь нашим соотечественникам вернуться на родину, США и Англия в нарушение своих международных обязательств задерживали советских людей в послевоенное время в лагерях для заплонивших собой всю Европу ДиПи»¹.

Приходится констатировать, что об оstarбайтерах хрущевская оттепель начисто отмолчалась.

Время этой запретной темы пришло спустя два десятилетия — в разгар брежневско-сусловской эпохи, когда плотину умолчания, слежавшуюся вокруг нее, буквально прорвало.

И здесь, как и в случае с военнопленными, сделала это русская проза, а точнее один-единственный прозаик — Виталий Николаевич Семин (1927–1978), замечательный русский писатель с оstarбайтерской судьбой!

Ох, и дорого же далась такая судьба!

Пятнадцатилетний ростовский школьник, угнанный в Германию в 1942-м, отбарабанивший три года невольником в городке Фельберт под Дюссельдорфом и репатриированный на родину в 1945-м, поступая в том же году в железнодорожный техникум, а в 1949-м на литфак Ростовского пединститута, не стал распространяться о том, где привелось «погостить» во время войны. Но когда на последнем курсе института «двурушничество» открылось, то будущего писателя, на волоске от диплома и аспирантуры, с треском выставили из вуза.

Семиным заинтересовался КГБ, пробуя завербовать в банальные стукачи, но, записавшись вольнонаемным и уехав на строительство Куйбышевской ГЭС, Семин сорвался с этого крючка. На Волге он все начинает с чистого листа: продолжает учебу, на сей раз заочно, в Таганрогском педагогическом. Очным же его университетом стала сельская глубинка Ростовской области, куда он устроился учителем. Только в 1957 году он вернулся в Ростов, где еще некоторое время — как бы по инерции — преподавал (в автодорожном техникуме).

Но в 1958 году он порвал с учительством и целиком ушел в писательство (как в призвание) и журналистику (как в способ прокормиться): Семин

по репатриации майора Джексона. Заключение буквально за час до прибытия в лагерь советской репатриационной миссии, этот брак спас девушку от насильственной репатриации. Рассказ, являющийся с художественной точки зрения бесспорной удачей автора, был опубликован самое позднее в 1948 г.

¹ Цитата из аннотации. *ДиПи* — от DP (или Displaced Persons), что означает «перемещенные лица».

редакторствовал в ростовской «Вечерке» (здесь увидели свет его первые публикации), а с 1963 года — на ростовском телевидении.

Затем последовали первые заметные публикации в Ростове и Москве — повести «Ласточка-звездочка» (1963) и «Семеро в одном доме» (1965, в «Новом мире»). Первая — о довоенной жизни, вторая — о послевоенной.

А что же между ними, где же война?

Именно война и стала основным плацдармом семинской прозы. Не переставая работать он над автобиографической вещью, которая потом получила название «Нагрудный знак “ОСТ”».

Позднее признавался, как трудно — с «ожогами» и «вскриками» — она писалась, как звала и совестила его память, как затягивали события двадцатилетней давности, как держали и не отпускали.

Но пятнадцатилетний Сергей, от имени которого в «Нагрудном знаке “ОСТ”» ведется повествование, — это не просто слепок с пятнадцатилетнего остова Виталия Семина. Усилием воли в повести сошлись опыт и судьбы многих других остовцев и немцев, как и опыт многих других авторских возрастов, даже судьба отца. Это придало роману многомерный объем и философский смысл.

Едва ли не главный предмет семинского внимания и исследования, особенно в «Плотине», — категория насилия. Насилия официального, от имени государства, и насилия группового, внутрисоциумного, барачного. Например, от негласной корпорации блатных с их культом круговой жестокости, злобной безжалостности и рефлекторного презрения к каждой отдельной человеческой личности.

Вывод, к которому пришел Семин: «Если в дело замешаны блатные, то, как бы оно ни начиналось, все равно оканчивалось злом». На противопоставлении и противостоянии с этим миром, как и на его исследовании, Семин закалял самого себя и выстраивал свой собственный мир, в котором действуют нравственные нормы и гуманистические ценности. Семинское «мы» во фразе — «Мы ведь останавливаемся там, где блатные не оглядываются» — дорогого стоит. Именно поэтому, даже целясь в ненавистных немцев, он так и не спускает крючок.

На Колыме, где мир блатных был вездесущ и монументален, в него, не моргая и не отводя глаз, всматривался Шаламов. Здесь же, в Германии, на чужбине, он не так очевиден, но Семин показывает, как он пускает корни везде и как шпана — все эти Блатыги и Сметаны — с каждым днем забирает все больше авторитета и власти, оставляя людям с нормами, как Сергей, все меньше воздуха и проходу.

Первая редакция романа была написана в середине 1960-х годов. Но роман был отвергнут в том единственном месте, где мог (и, казалось бы, должен!) быть напечатанным, — в «Новом мире».

22 августа 1967 года А.Т. Твардовский вынул его из сентябрьского номера и назавтра записал в дневнике: «Вчера позвонил Кондратовичу, чтобы задержали рассказец Семина (по-видимому, автобиографический) — эпизод

из жизни освобожденных из-за немецкой проволоки (угнанных туда на работу), помещенных за нашу проволоку и работающих впредь до проверки на демонтаже немецких предприятий. Ужасная правда, но взятая совсем уж отдельно от всего. Сунуть в цензуру — пойдет дальше, и парня можно окончательно погубить. А ясно, что иначе он не может и не должен ныне писать о том, чего он никогда не забудет»¹.

Если это забота, то несколько иезуитская, не правда ли? Да и «парню» уже за сорок — на горшок не просится.

В результате первая часть всей вещи — под названием «Нагрудный знак “ОСТ”» — была опубликована только через десять лет — в 1976 году, в апрельской и майской книжках журнала «Дружба народов»², где главным редактором был ростовчанин Леонард Лавлинский. Через два года, в 1978-м, «Нагрудный знак “ОСТ”» вышел отдельной книгой в серии «Библиотека “Дружбы народов”» с послесловием Игоря Дедкова³. В том же году в мюнхенском издательстве «К. Бертельсман» вышел и немецкий перевод повести (в переводе А. Кэмпфе), но под несколько измененным заглавием «Zum Unterschied ein Zeichen» — «Отличительный знак»⁴.

Четкий гражданственный порыв — в сочетании с художественной глубиной и почти дневниковой доподлинностью — сделали его повесть «Нагрудный знак “ОСТ”» выразительным символом описанной в ней эпохи. Художественность послужила своего рода «прикрытием» автобиографичности, которой повесть, безусловно, проникнута⁵.

До конца жизни В. Семин работал над продолжением — романом «Плотина», описывающим уже послевоенные — репатриационные — перипетии, но успел закончить только первую часть. Так и не завершённый, роман вышел уже посмертно, в 1982-м — вместе с повестью.

В предпоследние разы книга Семина выходила по-русски еще при советской власти — в 1989 году, в Ростове-на-Дону. Потом было переиздание в 1991 году, с предисловием Алеся Адамовича (тоже в Ростове). И только в 2015 году книга (точнее, обе книги вместе) вышла в Москве — в издательстве «АСТ», в редакции Елены Шубиной.

Чисто хронологически у семинской повести были если не предшественники, то сверстники. Наиболее значительный из них, пожалуй, роман-документ Анатолия Кузнецова «Бабий яр», первопубликация которого в журнале «Юность» вышла в 1966 году: рассказ о жизни под оккупацией в Киеве мимо

¹ Твардовский, 2009. С. 58. Ср. опубликованный годом позже фрагмент 6-й главы «Нагрудного знака “ОСТ”» В. Семина, в отрыве от остального выглядящий и во все как авторский рассказ-мемуар, еще не переработанный в прозу (Семин, 1968).

² Первому В. Семин предложил свою повесть «Новому миру», но А. Твардовский отказался ее печатать.

³ Семин, 1978.

⁴ В 1989 г. переиздано в берлинском издательстве «Rowolt». См.: Sjomín, 1989.

⁵ Это позволяет обращаться к повести В. Семина и как к художественному источнику, и как к документальному свидетельству.

темы вербовки в Рейх проскочить не смог бы. Журнальная версия, в целом сильно обгрызенная цензурой, пассажи об этой вербовке¹ пощадила.

В 1967 году впервые вышла автобиографичная повесть эмигрантки Эллы Бобровой «Ирина Истомина», впоследствии переведенная на английский (1980), немецкий (1986), французский (1986) и испанский (1992) языки. В 1997 года повесть была издана и в России².

Но именно «Нагрудный знак “ОСТ”» Виталия Семина реально протаранил стену и проторил эту тему для других. Так, в 1985 году бывший остовец Юрий Слепухин выпустил роман «Сладостно и почетно»³, героиня которого, остова с Украины, попала в немецкую семью в качестве прислуги.

В 1992 году увидела свет очаровательная повесть Николая Карпова «Маленький Ostarbeiter»⁴, посвященная остарбайтерской эпопее самого автора, тогда тринадцатилетнего, и его бабушки; в 2003 году она вышла отдельной книжкой и на немецком языке⁵. У нее строго автобиографическая подоснова, изменены только имена и очень редко — в интересах изложения — сами события. По сути, это закамуфлированные воспоминания, но, в отличие от прозы В. Семина, свободные от исторической или философской рефлексии.

В 1995 году в Волгограде вышла автобиографическая повесть Николая Рыбалкина «Эхо родного города»⁶, написанная в 1992 году и посвященная остовцам из Сталинграда.

Не будет большим преуменьшением сказать, что советская историческая наука упустила оба благоприятных отрезка оттепельного времени (и в 1950-е, и в 1970-е годы) и не устремилась, вслед за литературой, в открывшиеся проломы и бреши. Кажется, всерьез считалось, что публикации части материалов Нюрнбергского процесса⁷ и риторических упоминаний самого общего характера в обзорных или энциклопедических статьях будет достаточно, чтобы эту малоприятную тему «исчерпать». Слово «холокост» и стоящая за ним беспримерная трагедия евреев до самого последнего времени замалчивались, а идентичность жертв разбавлялась или подменялась словечками типа «советские люди» или «мирные советские граждане».

Положение начало медленно меняться только в начале 1990-х годов.

В 1991 году Институт всеобщей истории РАН выпустил — тиражом 250 экз. — ротاپринтный двухтомник «Советские люди в Европейском сопротивлении», состоящий главным образом из комментированных публикаций эго-документов⁸. Среди множества других материалов здесь опубликованы

¹ Вторая часть, главки «Смерть» и «В Германию». Меньше повезло главке «Дарница», посвященной крупнейшему в Киеве дулагу.

² Боброва, 1997.

³ Слепухин, 1985.

⁴ Карпов, 1992; Карпов, 2008.

⁵ Карпов, 2003.

⁶ Рыбалкин, 1995.

⁷ Нюрнбергский процесс, 1957–1961. См. также: Нюрнбергский процесс, 1987–1991.

⁸ Советские люди, 1991.

воспоминания целого ряда военнопленных (Германа Баумана¹, Георгия Кондакова², Анатолия Корчина³ и Юрия Орешкина⁴), узников гетто и концлагерей (Анны Турец⁵) и остарбайтеров (Норы Смирновой⁶).

В середине 1990-х в России впервые были опубликованы выдержки из нескольких более редких источников — чудом сохранившихся и к тому времени выявленных **дневников** — военнопленного-врача Федора Чумакова⁷, остарбайтеров Николая Карпова, Василия Баранова (1995) и Елены Скрябиной⁸, военнопленного Сергея Воропаева (1996). Усилился и мемуарный поток, а к рубежу столетий публикации воспоминаний бывших военнопленных или остовцев стали обыденностью⁹.

В 1997 году вышли воспоминания Екатерины Андреевны Поповой «Остарбайтер 2021: Моя жизнь в Германии в 1942–43 гг.»¹⁰, написанные под впечатлением от книги В. И. Андриянова «Память со знаком “ОСТ”»¹¹ (1993), а также воспоминания Веры Григорьевны Фурсенко «Ди-Пи: Дни и годы» в сборнике «В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции»¹². В 1999 году увидели свет воспоминания Владимира Куца «Поединок с судьбой»¹³ и совместный русско-немецкий сборник воспоминаний «Тяжело найти слова. Жизненный путь бывших принудительных работниц» на немецком языке¹⁴. Сюда вошли воспоминания российских женщин, побывавших в оккупации или угнанных в Германию, записанные в 1995–1999 годы¹⁵.

Ценный вклад в базу источников внесли сборники «Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров. 1942–1944 гг.» (1998)¹⁶, в котором систематизирована так называемая «Фрайбургская коллекция», представляющая собой более чем 1300 карточек с выписками из почты остарбайтеров, и «Принудительный труд в Берлине 1940–1945. Мемуарные сообщения

¹ Бауман, 1991.

² Кондаков, 1991.

³ Корчин, 1991.

⁴ Орешкин, 1991.

⁵ Турец, 1991 (со ссылкой на: Архив Центрального музея Вооруженных сил РФ. Ф. 3178).

⁶ Смирнова, 1991. Отметим, что здесь же опубликованы и аутентичные стихи советского военнопленного Виктора Мамонтова, написанные им в 1942–1945 гг. (Советские люди, 1991. Ч. 2. С. 386–390).

⁷ Немецкий плен, 1995.

⁸ Скрябина, 1994.

⁹ Ломоносов, 2002а; Ломоносов, 2002б.

¹⁰ Попова, 1997.

¹¹ Андриянов, 1993.

¹² Фурсенко, 1997.

¹³ Куц, 1999.

¹⁴ *Es ist schwer*, 1999.

¹⁵ Послесловие к книге написал немецкий историк У. Херберт.

¹⁶ *Преодоление рабства*, 1998.

из Польши, Украины и Белоруссии» (2000). Отметим и публикацию «Советская молодежь в Германии: Документы антифашистского сопротивления. 1943–1945 гг.», подготовленную И. А. Иоффе и В. В. Хорунжим (1995)¹.

Так уж случилось, что первую попытку систематического обобщения проблематики остарбайтеров и, вместе с ними, советских военнопленных как цельного исторического феномена предпринял пишущий эти строки, причем самый выход на эту проблематику носил до известной степени случайный характер.

В 1991 году я выиграл грант Фонда имени Александра фон Гумбольдта на длительную стажировку в Германии по проблематике принудительных миграций. Предполагалось, что я займусь другой, столь же табуизированной исторической темой — советскими депортациями. На деле же вышло, что, стажирясь, я занялся хотя и депортациями, но немецкими — угоном советских граждан из оккупированных областей в Германию, в Третий Рейх.

Этой сменой темы я оказался невольно обязан одному курьезу, точнее, недоразумению. В марте 1990 года в «Неделе», приложении к популярнейшим тогда «Известиям», вышла заметка Андрея Жданкина «Пенсия из-за рубежа»², тотчас же перепечатанная десятками областных и местных газет всего СССР. Девять абзацев из имевшихся в заметке десяти было действительно посвящено пенсиям из-за рубежа, десятый же — всего из 10 строчек — был таков: «В общество “Мемориал” пришло письмо от депутатов бундестага ФРГ — членов партии “зеленых”. Они предложили “Мемориалу” найти людей, которые во время войны были вывезены в Германию как рабочая сила, “остарбайтеры” (таких было около 4 миллионов). “Зеленые” предлагают выплачивать таким людям компенсации. На каждого восточного рабочего обязательно заводилась подробная карточка, эти архивы сохранились. Предложение “зеленых” принято». Все!

Воспринято же это было на самом деле так. Первое: Германия, наконец, устыдилась и собралась заплатить компенсацию всем бывшим «остарбайтерам»! В действительности же между Германией и СССР — в контексте объединения Германии — только-только начались первые разговоры даже не о компенсации вовсе, а о гуманитарном урегулировании.

И второе: интересующихся дойч-марками просят отправлять заявления по адресу «Мемориала»! Слово оно и так не воробей, а слово с перспективой получения законных дойч-маркок — тем более. И вот в «Мемориал» нескончаемым потоком пошли, нет, полетели письма тех, кому, собственно, эта статья адресовалась, — письма бывших «остарбайтеров», или остовцев. До сих пор перед глазами квартира тогдашнего председателя «Мемориала» Никиты Охотина, буквально заваленная дерюжными почтовыми мешками с неразобранной корреспонденцией.

¹ На материалах Центра хранения документов молодежных организаций, позднее включенных в состав РГАСПИ.

² Жданкин А. Пенсия из-за рубежа. Неделя. 1990. №9 (25 февраля — 4 марта). С. 5.

Большинство с интересом спрашивало, где получать деньги, но многие все же рассказывали и о своем угоне, а некоторые даже с подробностями, с копиями или оригиналами сохранившихся документов и фотографий. Лавина писем, полученных «Мемориалом», — их число тогда приближалось к 400 тысячам! — побудило начать кропотливую работу по регистрации всех обращений. Были заведены регистрационные журналы, создан компьютерный реестр, организован и осуществлен — под эгидой Научно-исследовательского центра «Мемориал» и Фонда им. Генриха Белля — большой международный гуманитарно-научный проект «Восточные рабочие в Третьем Рейхе до и после 1945 года». Помимо регистрации заявляющих о себе остарбайтеров в рамках проекта уже в 1990 и 1991 годах было проведено несколько рабочих встреч, у бывших остарбайтеров были взяты десятки подробнейших интервью, собрана коллекция подлинных личных документов и фотографий.

Массив накопленных в «Мемориале» писем от живых еще тогда участников событий предоставлял ускользающую возможность получить ценнейшие сведения «из первых рук». Но письма не содержали и не могли содержать систематическую информацию в наводящем на обобщения унифицированном виде. Поэтому было решено провести репрезентативное пилотажное анкетирование остарбайтеров. Что и было осуществлено Жанной Зайончковской и мной при поддержке «Мемориала» в рамках упомянутого советско-немецкого проекта. Из разосланных нами анкет заполненной вернулась каждая вторая, приложением к одной из них стал дневник Василия Максимовича Баранова, публикуемый в настоящем издании. Полученные результаты докладывались на рабочих встречах по проекту в Москве в марте 1991 и марте 1992 года¹.

Письма остарбайтеров и работа над анкетой сразу же обозначили широкое и тогда еще нехоженое поле для исследовательской деятельности. Со временем возник научный соблазн реконструировать историческую канву коллективной судьбы остарбайтеров как исторического явления. Чему, собственно, и была посвящена книга «Жертвы двух диктатур», в которой к 3,2 млн остарбайтеров как объекту исследования были добавлены примерно столько же советских военнопленных.

Книга выходила дважды, в 1996 и 2002 годах, с разными подзаголовками². Первое издание было частично переведено на немецкий язык³, а второе — целиком на японский⁴. На оба издания вышло около 30 рецензий и других пе-

¹ Обобщением явилась статья, опубликованная на немецком и русском языках: *Poljan, Zajončkovskaja, 1993; Зайончковская, Полян, 1995*.

² Первое издание: *Полян, 1996*. Второе, переработанное и дополненное издание: *Полян, 2002*. По сравнению с изданием 1996 г. структура, текст и иллюстративный материал книги 2002 г. были основательно переработаны и дополнены, что отразилось и на объеме: соответственно, 40 и 60 печатных листов.

³ *Poljan, 2001*.

⁴ *Poljan, 2008*.

чатных откликов, второе легло в основу документального фильма «Жертвы двух диктатур» (2004)¹. За второе издание в свое время я получил высшую, по моему счету, награду — звонок Александра Исаевича Солженицына и получасовой разговор о книге, об остарбайтерах и о военнопленных.

Книга состоит из трех разделов и из семи (во втором издании восьми) глав. Первый раздел — «Русские в Рейхе: первые и последние» — состоит из трех глав. В первой из них показаны исторические предпосылки принудительного трудоустройства гражданских лиц в Германии, охарактеризована не менее тяжкая участь советских военнопленных в немецком плену и проводится критический анализ данных о количестве и структуре советских граждан, оказавшихся по ходу войны на территории Германии. Во второй — на фоне общего хода военных событий и развития германской экономики и внутренней политики описывается насильственный характер собственно принудительной «вербовки» и депортации в Германию. В третьей — раскрываются обстоятельства жизни и трудоустройства этих людей в Германии (их правовой статус, условия труда и быта, питание, медицинское обслуживание, досуг и т. п.).

Второй раздел — это «“Родина ждет вас, сволочи!..”: репатриация и бегство от нее». В нем тоже три главы. В четвертой — обозначены создание в СССР органов репатриации и соответствующей организационно-лагерной инфраструктуры, юридическая основа репатриации (договоры в Ялте и др.). В пятой — показан ход репатриации из европейских государств и США, в первую очередь из союзнических оккупационных зон в Германии и Австрии. В шестой — обстоятельства приема репатриантов на родине и их, фактически на правах второсортных граждан, послевоенной жизни, а также судьба оставшихся на Западе «невозвращенцев».

Третий, наиболее изменившийся, раздел называется «В круге третьем: проблема компенсации за депортацию и принудительный труд». Он открывается седьмой главой, где рассмотрена в целом история выплат Германией различных компенсаций и других форм гуманитарного урегулирования после войны. Восьмая глава посвящена стремительному развитию вопроса о компенсациях в последние годы XX века, когда в число правомочных получателей компенсаций вошли и бывшие остарбайтеры, и принудительные рабочие из других восточноевропейских стран, но так и не вошли бывшие советские военнопленные.

Выход второго издания «Жертв двух диктатур» пришелся на самый разгар компенсационных выплат бывшим остарбайтерам (и невыплат военнопленным). В Германии в эти годы вышли десятки, если не сотни книг, посвященных насильственному труду остарбайтеров и других категорий принудительных рабочих, в подавляющем своем большинстве сфокусированных на том или ином регионе или городе, на той или иной отрасли или отдельном

¹ В трех частях: «Плен», «Угон» и «Цена». Студия «Центрнаучфильм», 2004. Режиссер М. Марьямов, сценарий П. Поляна и Н. Ясницкой. Общее время звучания — 3 часа 22 минуты.

предприятия, на том или ином лагере. Сфокусированность — это оборотная сторона ограниченности заданными рамками: обобщающих работ в эти годы почти не выходило, и даже обзора всей этой разноформатной литературы никто так и не написал. Тем более это непосильно и мне в этом издании.

Но о трех изданиях, вышедших в 2015–2016 годах в России, я не могу не сказать.

Прежде всего это книга Международного общества «Мемориал» об оstarбайтерах «Знак не сотрется» (2016), удостоенная премии «Просветитель» за 2017 год¹. Как и монография «Жертвы двух диктатур», она претендует на полноту и системность подхода к их судьбе, но при этом сделана совершенно иначе. Во-первых, она свободна от сплетенности с судьбами военнопленных. Во-вторых, эмпирически она опирается не на государственные архивы (они использованы лишь для иллюстрирования), а на различные эго-документы, отложившиеся в архиве самого «Мемориала», — на остовские открытки и воспоминания (в частности, А. Улановской)², но прежде всего — на сотни развернутых интервью с бывшими оstarбайтерами³. В-третьих, это акцентированная персонализация содержания, усиливающая эмоциональное воздействие текста: никакой таблице тут с цитатой не потягаться.

Следуя временной логике явления, книга состоит из пяти частей, в свою очередь распадающихся на главы. Часть первая — «До угона в Германию» (сюда входят довоенное детство, начало войны и собственно жизнь под оккупацией), вторая — «Угон», третья — «Жизнь в Германии» (вот названия ее глав: «Теперь оstarбайтеры», «В режиме неволи», «Подневольный труд», «После работы» и «Через призму войны»), четвертая — «Между Германией и СССР» («Победители» и «Репатрианты») и пятая — «На Родине». Кроме того, в книгу включены введение («Трудная память»), послесловие («Груз молчания»), биографические справки о тех, чьи свидетельства были использованы, и географический указатель.

Содержание, однако, скрывает еще один и, как представляется, ключевой уровень структуризации — небольшие главки внутри глав, названные, как правило, цитатой из интервью или открытки. Они посвящены некоему событийному узлу (например, первым дням после объявления войны) и являют

¹ *Знак не сотрется, 2016.*

² В архиве «Мемориала» имеется и оригинальный дневник 17-летней оstarвки Жени Кисельковой из Белоруссии за 1942 и 1943 гг., с чередованием в тексте русского и белорусского языков. Его в свое время подарила И. Щербаковой И. Г. Эрбург, дочь И. Г. Эренбурга. См. фрагмент на сайте «Та сторона»: <http://tastorona.su/articles/8>.

³ Многие из интервью опубликованы на сайте «Та сторона» (<https://tastorona.su/>). Сам этот сайт удостоен премии «Просветитель. Digital» за лучший просветительский онлайн-проект в 2019 г. Гран-при «Просветитель. Digital» за 2019 г. получили и «Ostarбайтеры», совместный проект «Международного Мемориала» и радио «Глаголев FM» — многосерийный подкаст, смонтированный из записей интервью с бывшими «восточными рабочими».

собой свод персонализированных цитат из использованных эго-документов вкупе с составительскими комментариями и обобщениями. Взятые вместе, они формируют тематический сюжет книги и часто содержат весьма оригинальные тезисы и наблюдения.

Например, отмечена до странности чрезвычайная осторожность, проявленная большинством респондентов в назывании точной даты своего угона. Не сразу, но стало ясно, что дело тут в своеобразном наследии послевоенной фильтрации — глубоко застрявшем в их сознании опасении слишком ранней датой если не выдать добровольность своей вербовки в Германию, то вызвать соответствующее подозрение. Сходное нежелание или, чаще, отказ прикасаться вызывала разве что тема сексуального насилия (с. 53).

Интересным оселком оказалась еврейская тема — как таковую и по разным поводам ее затрагивали многие. Большинство остарбайтеров рассказывали об увиденном своими глазами Холокосте с ужасом и сочувствием к жертвам, некоторые даже пытались спасти своих соседей или подруг, но иные, опуская вопрос об императиве эвакуации, чуть ли не виноватили самих евреев: вовремя надо было уезжать (с. 49–50 и 77–80). Многие евреи, особенно те, что помнили дисциплинированную немецкую оккупацию 1918 года, в 1941 году и представить себе не могли свои новые «риски»: так, оставшегося в городе дедушку Ирины Ватман, все говорившего, что «немцы — культурный народ, они придумали часы», повесили в первый же день оккупации Одессы (с. 50, 55). Есть в книге и эпизод с вербовкой в Германию еврейской девушки-киевлянки Доры Сагалович, к тому же еще и бежавшей из плена красноармейки. «Переложившись» с помощью подруги и соседки Надежды Измалковой и ее матери в Феню Лович, она уехала в Германию в мае 1942 года (с. 78–79, 91).

Два других анонса — это отдельные книжные издания остовских дневников. Многоязычные записи курянки Шуры Михалевой, этот апофеоз всепобеждающей молодости, были выпущены двухтысячным тиражом в 2015 году «Редакцией Елены Шубиной» в издательстве АСТ. Заново подготовленные и откомментированные, они стали составной частью и этой книги, и о них еще будет подробно сказано ниже.

Но, пожалуй, самая удивительная книга — это «Дневник, дневниковые записи и воспоминания советской девушки, насильственно угнанной во время Второй мировой войны на принудительные работы в Германию» Антонины Емельяновны (Тони) Улановской (1927–1994) из поселка Штеровка Луганской области УССР.

В сентябре 1942 года ее и ее старшую сестру Лену (1925–2000) угнали в Германию. Их привезли в город Вээнер на реке Эмс в Нижней Саксонии, близ границы с Голландией, и заставили работать на заводе самолетных деталей Теодора Клатте.

Вести дневник Тоня начала 20 сентября 1942 года, еще в товарняке, уносившем ее из дома. Одновременно Тоня вела и так называемые «альбомы», в которые задним числом записывала некоторые свои воспоминания

и множество песен, частушек, стихов, заговоров и молитв. Большинство песен — это переделки известных шлягеров с новыми, отражающими лагерную и военную жизнь, словами (есть и такие, что Тоня пробовала слагать сама).

Из дневника мы узнаём множество деталей: как ехали, куда попали, что ели-пили, на чем спали и как боролись с клопами, где мылись-стирались, как болели-лечились, как мерзли и как чинили ветхую одежку, о чем плакали и мечтали, как воровали еду и уголь, как дурачили заводских мастеров и охранников, как пытались бастовать и вредительствовать на заводе, как иногда развлекались и даже влюблялись.

Последняя германская запись в дневнике сделана предположительно 10 марта 1944 года и заканчивается словом «всё», что означало исчерпание места в привезенных из дома блокнотах. Но жизнь шла дальше, и 16 октября 1944 года в Тониной судьбе произошла крутая перемена. Ее, замеченную в неблагонадежности и саботаже, разлучили с сестрой и перевели, предположительно, в ближайший исправительно-трудовой лагерь в городе Леэре (сама Тоня называет его концлагерем), куда она захватила и свой школьный портфельчик с альбомами, письмами и открытками (самое же ценное — дневник и фотографии — она несла за пазухой). В Леэре она работала грузчиком на льняной фабрике Коннемана, условия были неизмеримо суровей, чем в Вёэне. После тяжелой производственной травмы, полученной 7 февраля 1945 года, Тоню передали в крестьянское хозяйство семьи Майер, где-то в Голландии: там она впервые за весь угон начала досыта есть, но так и не отъехала вплоть до самого 27 апреля 1945 года — дня освобождения англо-американскими союзниками. Путь на родину оказался долгим и затяжным: сначала сборный лагерь для перемещенных лиц в Дельменхорсте под Бременом, где Тоня вновь соединилась с Леной, затем госпиталь в Барте. И только 27 октября (?) 1945 года сестры прыгнули из товарного вагона поезда в родной Штеровке, где они не были больше трех лет.

По возвращении домой Лена начала работать швеей-надомницей, а после замужества переехала в Луганск, где остаток трудовой жизни проработала кассиром. Тоня же выучилась на агронома и уехала в Крым, где обзавелась семьей и осталась жить в селе Отрадном, позднее переименованном в Плотинное (татарское название Гáвро).

В 1980-х годах Тоня собралась с духом и занялась делом, задуманным давно: попыталась на основании всех записей военных и первых послевоенных лет составить единое последовательное описание всего германского периода своей жизни. Начало лагерного дневника, который долго странствовал по тернистым дорогам войны, а потом содержался в неблагоприятной домашней обстановке, к тому моменту не сохранилось — истерлось, истлело, порвалось, превратилось в крошку. Тоня скрупулезно собирала и складывала мелкие клочочки истрепавшейся части дневника и, привлекая в помощники собственную память, восстановила ее. Но всю работу в целом она не успела закончить, и продолжила ее, как могла, уже Тамара, самая младшая сестра. Архив же Тони сохранили ее сыновья — Анатолий Яковлевич и Николай Яковлевич Татаренки. Часть этого архива пока остается неразобранной.

Попавший в руки Тамары разрозненный материал (включавший и сохранившиеся 70 страниц подлинника дневника) она упорядочила, рассортировала, расположила в хронологической последовательности. Ею также поправлена орфография, уточнена пунктуация, придана структура всей рукописи, придуманы почти все заголовки и подзаголовки, приложены многочисленные фотографии.

Но сохранившимися 70 страницами дневника со словом «всё» в самом конце свидетельства Антонины Улановской не исчерпывались. Острота воспоминаний позволила ей на старости, в 1980-е годы, мысленно «возвращаться» в Германию и, пополняя ими содержание своего базового дневника, формировать тем самым новый, весьма сложный и многослойный эго-документ.

А когда дело и впрямь дошло до печати, то существенной его частью стал и пласт сведений от самой составительницы — Тамары Емельяновны Улановской (1939 — ок. 2019), опиравшейся на переписку и на устные рассказы обеих старших сестер. В предисловии Тамара писала: книга *«...рассчитана на чтение потомками нашей семьи, которые должны знать, как жили их предки. Возможно, отдельные страницы рукописи представят интерес для историков»*.

Книга Антонины Улановской вышла в 2016 году в ростовском издательстве «Альтаир» тиражом всего 100 экземпляров¹. Распечатка ее набора была в свое время, видимо, послана в «Международный Мемориал», послужив, к слову, одним из источников цитат в книге «Знак не сотрется»². Никакой внешней редакции — ни издательской, ни научной — книга не подвергалась, она вышла такой, какой ее подготовила младшая сестренка Тони, проживавшая в Новочеркасске. Она не только подготовила к печати корпус текстов старшей сестры — дневника и воспоминаний, соединив их вместе и разложив по хронологии, попутно исправляя ошибки в орфографии и пунктуации. Словно завзятый историк и составитель книг, она снабдила его пояснениями и добавлениями, а книгу в целом — кратким предисловием и длинным послесловием (его правильнее было бы назвать собственными воспоминаниями). Графически все Тамарины тексты даны курсивом и тем самым четко отделены от Тониных.

Иными словами, выход этой книги — не только «памятник» старшей сестре, автору уникального дневника и сопутствующих ему материалов, но и личный подвиг ее младшей сестры Тамары.

О замысле и структуре книги

Это книга **об** эго-документах (документах личного происхождения) и, одновременно, это книга **из** эго-документов. Ее эмпирическую основу составили 12 уникальных дневников военного времени, написанные представителями широкого типологического спектра участников и жертв войны — двух

¹ Ко мне в руки она попала исключительно благодаря инициативе и любезности Тамары Емельяновны.

² См.: Архив Международного Мемориала. Конкурс 2016 года «Россия — XX век». № 1618.

красноармейцев в действующей армии (особиста и штрафника), одного эмигранта-коллаборанта, трех военнопленных, четырех остарбайтеров и двух лиц, переживших оккупацию, в том числе одной узницы гетто. Это, разумеется, не претендует на охват всех категорий участников и жертв войны, но все-таки это широкий и представительный круг.

Каждый из авторов дневников явно испытал сильнейшую внутреннюю потребность в их заведении и ведении — и, стало быть, услышал в себе тот самый зов истории. Давая шанс на воплощение прав на собственные мысли и наблюдения, дневники со временем превратились в дополнительный способ жизне-существования их авторов. Они не просто описывали ту или иную повседневность, но и в некотором смысле продлевали своему автору жизнь.

И даже не только! Индивидуальное, личностное, будничное восприятие повседневной жизни на войне — одновременно и отражение сходной жизни множества им подобных, но как бы безъязыких участников аналогичных событий.

Сами по себе такие документы — необычайная редкость. И кто теперь подсчитает, сколько дневников НЕ было написано из страха ляпнуть что-то не то или из-за элементарного отсутствия бумаги и карандаша! И сколько было написано, но пропало, в том числе и по воле самих их авторов или их близких в какую-то недобрую послевоенную минуту?..

Вместе с тем отдельные дневники являются полноценными автономными публикациями, насыщенными неизвестными или малоизвестными событиями, деталями и ракурсами. Каждый из них снабжен необходимым научным аппаратом и представлен в книге по единой и четкой «матрице»: сначала — вводная информация, своего рода «визитная карточка» судеб людей, превращенных в расходный материал «Большой войны», далее — сам дневник, оснащенный необходимыми примечаниями.

Проблематикой военных эго-документов я занимаюсь с начала 1990-х годов. Первыми заметными публикациями стали дневники Василия Баранова и Сергея Воропаева, вышедшие в 1995 и 1996 годах в журнале «Знамя». За ними последовали многие другие публикации в периодике, главным образом в «Известиях», «Новой газете» и «Отечественных записках». Наиболее основательные версии многих дневников военного времени, в том числе и не включенных в настоящее издание, увидели свет в книжной серии «Человек на обочине войны», на протяжении семи лет — с 2005 по 2011 год — выходившей в издательстве РОССПЭН¹. Составителем серии, как и большинства отдельных ее томов, был я. Целое созвездие дневников военного времени вошло в антологию «Нам запретили белый свет...» (2006). Те из дневников, авторы которых находились еще в юношеском возрасте (в частности, Баранов, Андреев и Лазерсон), были переизданы в антологии «Детская книга войны», выпущенной в 2015 году издательством «Аргументы и факты» десяти тысячным тиражом².

¹ См.: <http://www.rosspen.su/ru/catalog/.list/id/58/>.

² *Детская книга войны, 2015.*

Корпус самих дневников существует в настоящем издании как бы в двух ипостасях одновременно. Во-первых, в разговоре о дневниках они служат мне как автору эмпирической базой и наглядными иллюстрациями. Вместо того, чтобы ограничиться цитатами, пусть и пространными, я привожу соответствующие дневники целиком, оставляя читателю возможность искать и находить в них что-то иное, что-то свое, для него более значимое или интересное.

Но, во-вторых, они интересны и сами по себе, являясь полноценными публикациями автономных эго-документов.

Такое раздвоение, безусловно, проецируется и на мой личный статус в этом издании: кто я тут, собственно, такой — автор или всего лишь составитель?

Мой ответ на этот вопрос: на уровне книги в целом — автор. Авторство не сводится к собственным текстам — вводному и заключительному. На всем пространстве книги я не перестаю быть ее композитором и модератором. При переходе же на трансляцию чужих текстов — я объявляю их перед публикой, рассказываю об авторах, после чего скромно присаживаюсь на скамеечку аккомпаниатора-комментатора. Отобранные в эту книгу дневники связывает друг с другом и спланирует воедино еще и то, что в свое время все они были мною разысканы, подготовлены к печати и введены (или вводятся) в научный оборот¹.

Кстати: почему «вводятся», а не «введены»? Потому что один дневник — и самый большой из всех (А. Контарева) — публикуется здесь впервые целиком, а еще один (В. Пахомова) — впервые полностью², а еще два (И. Шабалина и Г. Томина) — впервые в книжном издании. Все остальные, хотя и републикуются³, но все — с основательно обновленными текстологией, археографией и комментариями, переработанными или подготовленными специально для этого издания (особенно серьезные улучшения произошли с текстами В. Баранова, С. Воропаева, А. Михалева и Н. Саенко). Каждый дневник снабжен предисловием и примечаниями, многие — так или иначе проиллюстрированы.

То, что в этой книге под одной обложкой встретились дневники как особиста, так и военнопленного, как красноармейца, так и коллаборанта, отражает и выражает глубокие сдвиги в восприятии Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее части. Общепринятая и общепонятная оппозиция «свой/чужой», закосневшая в идеологических битвах, постепенно растворяется в тумане лет и, не утрачивая своего первичного смысла, перестает быть определяющей. Вперед выдвигается императив непредвзятого эмпирического знания и научного осмысления фактов. И если при этом высветится или проявится то или иное военное преступление или преступление

¹ Ряд подобных дневников (в частности, связанных с темой Холокоста) был мною оставлен за рамками настоящего издания.

² Надежды на его воссоединение с той частью дневника, что, предположительно, продолжала храниться в семье В. Пахомова, увы, не оправдались. Дневники были, но родственникам, ныне живущим в г. Фролово Волгоградской области, найти их не удалось.

³ По: *Михалева, 2015* (А. Михалева) и альманаху «Нам запретили белый свет...» (все остальные).

против человечности, тем серьезней и глубже был бы его анализ, свободный от бремени политизированности и пропагандной риторики.

Сегодня происходит своеобразная линька любой пропагандистской мифологии: выдуманный журналистом «Красной звезды» подвиг «28 панфиловцев» отслаивается от общего героизма обороны Москвы, автохарактеристика власовского движения как «третьей силы» рассыпается в прах, а подвиг Зои Космодемьянской и вовсе перестает быть подвигом, а становится актом бесчеловечности, то есть терактом.

...Эта книга посвящена памяти Николая Львовича Поболя (1939–2013), светлого и свободолюбивого человека с неизменно дымящейся сигаретой, легким нравом и легкой рукой. Ему была присуща удивительная везучесть, с которой он находил то, что искал, — будь то грибы в лесу или нужные документы в архиве.

Но книга посвящена ему вовсе не потому, что он был моим лучшим другом. И даже не потому, что работа над некоторыми из дневников в этой книге начиналась и велась нами сообща.

Поразил меня следующий биографический факт, обнаружившийся только после Колиной смерти в 2013 году. Оказалось, что Поболь — этот исключительный сибарит и вдохновенный «собеседник на пиру»¹ — и сам, никак и ни перед кем это не афишируя, тщательно вел дневники: занятие, согласитесь, систематическое и плохо совместимое с ленью! Записи в его дневнике были довольно лаконичными, но чуть ли не ежедневными!..

Что ж, он определенно расслышал в себе тот же самый зов — зов истории, что и авторы тех дневников, что включены в настоящее издание.

Эдиционные принципы

При знакомстве с публикациями эго-документов и, в частности, дневников нередко сталкиваешься с двумя эдиционными крайностями.

Крайность первая. Читателю не сообщается ничего, кроме имени и фамилии автора и названия текста. Сам текст как бы сброшен с плеч, словно мешок, научный аппарат отсутствует, если не считать абзаца-другого врезки к публикации, — и это все!²

Крайность вторая — противоположная: назовем ее ультраархеографической. Археографическая подготовка, безусловно, нужна, но в подавляющем большинстве случаев она не должна так выпирать, как это вдруг стало принято в 2000-е годы. Навязываемый во многих изданиях археографический

¹ См. посвященную ему книгу: *Собеседник на пиру, 2013*.

² Такова, например, антология «Детская книга войны» (2015). Среди составивших ее 35 текстов один («Дневник Лизы Вейде») ошибочно отнесен к разряду остарбайтерских дневников (на самом деле это дневник немки, представительницы «фольксдойче», то есть привилегированного в Германии контингента), а другой («Дневник Наташи Колесниковой») жанрово просто не является дневником.

«стандарт» часто сугубо декоративен и не адекватен ни сложности, ни значимости публикуемого¹. Текст сразу же перестает быть текстом, то есть предметом чтения, любезным душе и глазу читателя, а превращается в частокोल круглых, прямых, угловых, фигурных и бог знает еще каких скобок и нескольких систем параллельных ссылок и сносок.

В настоящем издании последовательно, лишь немного варьируя от дневника к дневнику, проводятся следующие археографические принципы².

Тексты дневников даются в авторских редакциях, за исключением пунктуации и орфографии, систематически приводившихся к современному виду, и восстановления без оговорок сокращенных при скорописи слов (например, «дневник» вместо «дн-к» и т. п.). Даты отдельных записей выделяются и графически обособляются.

Конъектуры вводятся квадратными скобками. Значок [...] обозначает такие дефекты листа оригинала (надрывы и т. д.), когда утраченный текст реконструкции уже не поддается. Текст, не поддающийся идентификации в силу своей неразборчивости, обозначается значком [нрзб.].

Одиночные и редко встречающиеся аббревиатуры раскрываются в примечаниях. Часто встречающиеся аббревиатуры вынесены в список сокращений.

В научном аппарате документальной части настоящего издания акцент сделан на фактографическом и контекстно-смысловом комментарии. Ссылки на литературные источники даются с указанием фамилии автора, года выхода публикации и цитируемой страницы, ссылки на интернет-источники активны по состоянию на 1 сентября 2020 года.

Источники иллюстраций к книге раскрываются в подрисуночных подписях.

Это издание было бы невозможно без разнообразной помощи многих доброжелательных людей. Во-первых, потомков авторов публикуемых дневников: Юрия Андреева — сына Бориса Андреева, Сергея Белоусова — внука Александры Михалевой, Максима Баранова — внука Василия Баранова — и Татьяны и Сергея Пахомовых — внучатых племянников Василия Пахомова. Во-вторых, архивистов, музейщиков, библиотекарей и частных лиц — хранителей оригиналов или копий публикуемых текстов: Умут Акинбаевой, Анны Волькович, Томаса Вайса, Яны Златкис, Игоря Пермякова, Ольги Петровицкой, Ларисы Роговой, Алексея Симонова, Елены Чибисовой и Лии Штанько. В-третьих, друзей и коллег: Стефано Гардзонио, Бауржана Жангутина, Пекки Кауппала, Виктора Кондрашина, Сергея Красильникова, Михаила Мельниченко, Александра Никитяева, Ирины Островской, Никиты Петрова, Софии Полян, Анатолия Разумова и Дмитрия Суржика. В-четвертых, спасибо моим издателям Елене Качановой и Сергею Эрлиху — за терпеливое понимание и профессионализм.

Всем им — сердечная благодарность, а Николаю Поболлю — добрая память!

¹ Ситуация изменилась бы, если бы это были дневники выдающихся гениев, где драгоценной становилась бы каждая лишняя запятая и даже клякса!

² Конкретные детали раскрываются в преамбулах к дневникам.

ШТРАФНИК АЛЕКСАНДР КОНТАРЕВ

*30 апреля 1943 г. — 14 марта 1946 г.
(Смоленщина, Литва, Восточная Пруссия,
Манчжурия, Порт-Артур, станция Зима Иркутской области)*

ГЛАВНОЕ НА ВОЙНЕ — ВЫЖИТЬ!

«Если только буду жив...»

А. Контарев

1

У Александра Контарева в дневнике — свой, контаревский, «календарь». И это не только день рождения, но и самые различные «годовщины» — ранения, встречи с любимой девушкой, первого поцелуя с ней и т. п. И это, надо сказать, очень помогает в реконструкции судьбы автора.

Вот то немногое, что удалось извлечь о нем самом из его дневника и из его наградного дела, счастливо нашедшегося на замечательном сайте «Подвиг народа»¹.

Александр Филиппович Контарев, украинец по национальности, родился 19 февраля 1918 года на Луганщине — в деревне Боково-Платово Боково-Антрацитовского района Ворошиловградской области УССР, недалеко от г. Красный Луч. Семья состояла из матери (умерла в 1946 году), сестры Нади и брата Вити². Отец во время войны находился на Урале, в Копейске — видимо, в порядке производственной эвакуации.

Перед войной Александр проучился три года в одном из техникумов Харькова — скорее всего, в строительном³. Там же, в Харькове, 1 декабря 1939 года он был призван Кагановическим райвоенкоматом в РККА. Так что война застала Контарева в армии — предположительно в штабе Северо-Кавказского округа⁴.

А затем — штрафбат, куда он попал прямехонько из тюрьмы как осужденный за «дезертирство»⁵. Это, согласитесь, странно: откуда и куда мог

¹ См.: <http://podvignaroda.ru/?#id=17030667&tab=navDetailDocument>.

² Возможно, был и еще один младший брат — Степан, 1928 года рождения. См.: http://nomer.org.website/allukraina/lastName_%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A2%D0%90%D0%A0%D0%95%D0%92_pagenumber_8.html.

³ Ср.: «Очень часто попадаются большие мосты. Я не могу смотреть на них спокойно. Они мне напоминают техникум, когда я то же самое производил расчеты, правда в начале несложные, но дальше освоил бы и более сложные. Теперь уж все забыл» (запись от 14 июля 1945 г.).

⁴ См. записи от 22 сентября и 28 ноября 1943 г.

⁵ См. запись за 8 июля 1944 г. В другом месте — 22 сентября — он даже пишет о своем «10-летнем сроке».

«дезертировать» двадцатитрехлетний мужик, находясь столь далеко от линии фронта?

Моя гипотеза примитивна и ни на чем, кроме понимания характера Контарева и интуиции, не основывается: «дезертиром» Контарев стал в результате самоволки к девушке, с которой познакомился или переписывался!¹

2

Военные дневники Контарева охватывают период в три с половиной года — начиная с 30 апреля 1943 года и кончая 14 ноября 1946 года (в первые два года войны Контарев, похоже, дневник не вел).

События, отразившиеся в нем, географически разворачиваются на гигантских просторах от Смоленщины до Восточной Пруссии и от Восточной Пруссии до Квантунского полуострова в Китае, завершаясь возвращением — через Дальний Восток и Сибирь — в Европейскую часть СССР.

Летом и осенью 1943 года записи шли практически ежедневно. А иной раз Контарев раскрывал блокнот прямо во время боя — с ума сойти!

Часто дневник сбивается на бессвязный поток сознания и повторяющихся lamentаций. Но встречаются в нем и вполне выразительные места: «Сейчас немец открыл огонь. Бьют его пулеметы, наши артиллеристы и минометчики стучают».

Как и многие в ту войну, Контарев говорит и пишет о немцах в третьем лице единственного числа: «фриц», «немец». Но иной раз и вовсе безличное — «он», или тот же «он», но опущенный, лишь подразумеваемый!

Человечески это очень интересный документ, в котором сам автор предстает в разных ипостасях, но чаще всего — в образе человека, постоянно ноющего и разобиженного на всех и вся.

По содержанию дневник распадается на три неравные части: штрафник, штабист на западном театре военных действий и штабист на восточном (соответствующие заголовки не авторские, а мои).

Первая — это пребывание Контарева в штрафниках, на острие ожесточенных летних и осенних атак на Смоленщине, в ходе Духовщино-Демидовской и Рудненской операций.

Штрафников в штрафные роты и штурмовые батальоны направляли по приговору трибунала на срок от 1 до 3 месяцев, после чего — если оставались живы — выводили из их состава. Если они получали ранение или орден, их восстанавливали в званиях и досрочно отзывали из штрафных соединений.

В первой части штрафрота Контарева медленно продвигается на запад — от смоленских городков Ярцево и Духовщины до подступов к Витебску, где дневник, собственно, и обрывается.

¹ Не тут ли прячется ключик к никак не разъясненной истории Анны Зубревской из Красноводска?

Официальная статистика штрафников: выживал каждый второй! Статистика же по отделению Контарева, судя по его дневнику: едва ли не каждый двадцатый!

Контарев здесь сделал «карьеру»: «дорос» до командира отделения своей 46-й отдельной армейской штрафной роты (командир — старший лейтенант Иванов). Рота входила в состав 515-го стрелкового полка (подполковник Черниченко), та — в 134-ю стрелковую дивизию (генерал-майор Е. В. Добровольский¹), та — в 84-й стрелковый корпус, тот — в 39-ю армию (генерал-майор А. И. Зыгин), а та — в состав Калининского фронта (генерал-майор А. И. Еременко).

13 июня комполка Черниченко представил Контарева к ордену «Красное знамя». Вот описание его геройского поведения — так называемое «Краткое, конкретное изложение личного подвига или заслуг»:

«Несмотря на снятие судимости за 20 дней до боя 1.6.43 за высоту 260,1 Пречистенского района, т. Контарев категорически отказался перейти в другое подразделение, заявив: “я с этими бойцами-нацменами пойду в бой мстить врагу за их злодеяния”. После артиллерийской подготовки и сигнала на атаку высоты, через 10 минут — первым со своим отделением ворвался в траншею противника. В рукопашной схватке лично убил 5 солдат и 1 офицера. Противник переходил несколько раз в контратаки. В результате боев и умелого использования огня было истреблено его отделением 37 немецких солдат. Старший сержант т. Контарев, храбро защищая родную землю, убил лично 1 офицера и 20 солдат. Бесстрашный защитник Родины достоин Правительственной награды — ордена “Красной звезды”»².

Месяцем позже — 30 июля — был другой жаркий бой в Духовщинском районе — за высотку в районе д. Вердино. За этот бой всей 134-й дивизии присвоили звание «Вердинской»³. Контарев писал об этом: «Я помню хорошо это “Вердино”, пришлось 14 часов отбиваться от немцев, сидя на этой высоте» (22 сентября 1943 г.).

Контарев все время на передовой или в двух шагах от нее, каждый день и каждый час его может накрыть смертью. В его восприятии постепенно нарабатывается удивительная связь, а скорее даже слитность, спаянность природы и войны. Вот характерная запись: «Стоял ночью на посту. Утром было

¹ Командовал дивизией с 26 декабря 1942 по 23 сентября 1943 г.

² См. приказ по дивизии № 120/н от 20.06.1943 (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1119. № записи 17030667). См.: <http://podvignaroda.ru/?#id=17030667&tab=navDetailDocument>. Позднее Контарев получал также медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (9 мая 1945 г.) и «За взятие Кенигсберга» (9 июня 1945 г.). См.: <http://podvignaroda.ru/?#id=17030667&tab=navDetailDocument>.

³ Приказ верховного главнокомандования № 17 от 19 сентября 1943 г. — с формулировкой: «за прорыв сильно укрепленной оборонительной линии противника и за освобождение гг. Ярцево и Духовщина».

тихо и спокойно, к вечеру началась жуткая канонада, ночью шел сильный дождь с грозой» (от 25 августа 1943 г.).

Одно из сквозных слов в дневнике — «игра». Это эвфемизм, и означает он не шахматы и даже не маневры, а элементарную атаку, то есть, в ситуации штрафника, — *игру* со смертью!

Поэтому императив его жизни на войне однозначен и элементарен — уцелеть в этой войне. Или — одним словом: «Выжить!»

С этой и только с этой точки зрения оценивает Контарев все происходящее. Например: перевод из пехотинцев в артиллеристы — повышает или понижает шансы на то, чтобы уцелеть?!

Отсюда же — характернейшее сочетание трудносочетаемого: крайнего фатализма и крайней жизнеустремленности. «Если только буду жив...» — постоянный рефрен этой части дневника. Почти в каждой записи — фразочка о том, что запись эта последняя, что завтра его наверняка убьет и т. д. Эти фразочки — своего рода обереги, риторические заклинания против гибели.

Очень точно сказал об этом Алексей Симонов:

«Любой, кто их [дневники. — П. П.] откроет, безусловно и сразу поймет, что они не были рассчитаны на публикацию и это делает их особо ценным свидетельством времени, настроений, побудительных мотивов поступков. Я, например, прочитав немалую толику военных записок, документов, дневников и т. д., ни разу не встречал столь жестко и монотонно выписанного основного мотива жизни на войне: “завтра убьют — и все”. Под этот монотонный, как зубная боль, припев проходит вся фронтовая жизнь автора, Александра Контарева, двадцатипятилетнего жлоба и хама, занятого выживанием и только о нем думающего.

Война с точки зрения плохого человека — это ведь по большому счету открытие, новое слово к грядущим юбилеям что 41-го, что 45-го годов. А то ведь устали мы от попыток заново вскипятить уходящий, а может быть, и ушедший пафос жертв и побед, которым вновь и вновь пытаемся наставить на правильный путь подрастающее юношество. Контарев однозначно высказался на тему “что есть главное на войне”, точно, по старому анекдоту: главное — не пушки, не танки, не генералы и не самолеты, главное на войне — выжить!

И кто мы такие, чтобы осудить эту точку зрения из нашего послевоенного мирного будущего?»¹

3

Если верить представлению к ордену, то срок судимости, а стало быть, и обязательного пребывания Контарева в штрафной роте, истекал 10 мая 1943 года. И тогда, если продолжать в это верить, он сам героически попросил оставить его на старом месте. Это настолько расходится с контаревским

¹ С разрешения А. К. Симонова цитирую его «Побудительные заметки» — краткую препроводительную записку, написанную по моей просьбе.

императивом «Только не умереть!», что поверить непросто. Скорее всего, это риторическая фигура, прикрывающая незаконные манипуляции командиров, не желающих выпускать опытного и уцелевшего штрафника из своих рук. Номинально же — по бумагам — его переводят из штрафной роты в пехотную, а позднее и в артиллерийский дивизион.

Тем не менее осколка или пули не миновал и он. 18 ноября 1943 года под деревней Рыжково близ Рудни он получил серьезное ранение, после чего восемь месяцев провел в госпиталях — сначала в Сокольниках¹, а затем в Литве. Об этом уверенно говорит восьмимесячная прогалина (или дыра) в записях — разрыв между 1 декабря 1943 и 27 июля 1944 года.

В марте 1944 года в госпитале Контарев познакомился и сошелся со своей роковой пассией — медсестрой Милой Ленской (она же Людмила, Милушка, Милуська и т. п.). Этот роман, проходящий — взамен фабулы — через многие записи и 1944-го, и 1945-го, и даже 1946 годов, пробудил в Контарева самые светлые чувства и нешуточную привязанность. В своих глазах он явно смотрится эдаким Дон Кихотом — искренним, честным и любящим, готовым прощать любимой Дульсинею вздорный характер и даже измены. Занудное описание их на редкость тоскливых взаимоотношений и эпизодических встреч с Милой составляет едва ли не главное содержание дневника этих годов.

Говоря о прогалине, все же поправимся: дневник наверняка велся и в месяцы лечения. Но дело в том, что два «госпитальных» блокнота Контарев по своей инициативе отдал Миле — чтобы что-то ей там такое невразумительное доказать. «Логика» такая: проявление максимального доверия и тем самым проверка прочности и взаимности ее чувств.

В какой-то момент Контарев хотел дать ей и более ранний дневник — периода своей героической службы в штрафроте. Но отдавать ей *этот* оригинал стало ему жалко, и он — видимо, в госпитале же — начал переписывать его для подарка, одновременно его цензурируя. В результате сам дневник неожиданно не столько удвоился, сколько раздвоился! Наряду с «первым», аутентичным, ведшемся для себя, Контарев параллельно завел еще «второй» — для Милки и произведения на нее должного впечатления.

В этом «втором» он конспектирует «первый» с заметным сдвигом в сторону плохой советской военно-пропагандной литературы. Он отбрасывает мелкие детали, он округляет события, в том числе и свой подвиг, но при этом — отдадим должное — ничего не допридумывает. Вместе с тем во «втором» изводе оказались записи — сделанные, возможно, по памяти — за те дни или группы дней, следов от которых в «первом» изводе не было.

По каким-то причинам этот «второй» медсестре отдан не был и остался вместе с «первым» у Контарева. Восстановить содержание госпитальных дневников, задепонированных у Милы, увы, нельзя, но составить себе

¹ Сокольники — это не парк в Москве, а город около Новомосковска Тульской области.

представление об их характере по дневникам «постгоспитальным» вполне можно.

Собственно, с этого времени его реальная солдатская служба окончилась. Сначала — госпиталь, а после выздоровления он еще долго находился в неприятном статусе при госпитале — кем-то вроде приживалы, посыльного, чертежника-картографа (три курса техникума как-никак!) и... танцора в бригаде художественной самодеятельности¹.

В августе 1944 года, после какого-то проступка, его выписали из госпиталя и направили обратно в армию, в 139-ю сухопутную бригаду, но в самодеятельности оставили.

Уже в Порт-Артуре он, вспоминая, обобщал: «Опять штабная работа, опять протирал штаны, а кто в этом виноват, в основном я и именно потому что безумно хотелось дожить до того момента, когда кончится война, чтоб посмотреть на то, какой будет жизнь после этого» (запись от 11 февраля 1946 г.).

Короче, он неслыханный везунчик, этот Контарев! Поставленная им самому себе четкая стратегическая задача — «Выжить, выжить и еще раз выжить!» — была им с блеском решена!

4

Штабное состояние Контарева сложилось из двух несхожих частей — военного еще времени и послевоенного.

В первом случае его 39-я армия по-прежнему воюет, но уже в Прибалтике — в аннексированной до войны Литве и на вражеской земле — в Восточной Пруссии. Отмечу, в частности, яркие зарисовки поведения Красной армии по отношению к немецким женщинам и немецкому имуществу — своего рода сексуальный и мародерский раж. Он не слепой и честно фиксирует это в дневнике: «Что творится сейчас на улице! Недалеко от нашего дома стоит сарай, в котором полно беженцев. Вот солдаты, а особенно офицеры, пользуясь разрешением на всё, жуткие вещи творят сейчас. На дворе стоит сплошной крик и визг женщин, которых насилуют, и до чего дошли, 15–20 чел. насилуют одну девушку 14–15 лет. Страшно смотреть на все это» (31 января 1944 г.).

Разумеется, Ставка издавала на этот счет подобающие случаю директивы. Вот одна из них, за подписью Сталина и Антонова:

«№ 11072 20 апреля 1945 г. 20.40.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам

¹ Похоже, что и за хозяйственное обеспечение концертов отвечал тоже он.

облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров — немцев.

Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами.

Ставка Верховного Главнокомандования. И. Сталин. Антонов»¹.

Но мало кто следовал этим директивам. На этот счет у Контарева — как, впрочем, и у большинства красноармейцев — была своя оправдательная «философия»: «Да они нас боятся, вернее говоря, боятся нашей мести. Эх, сволочи, что им надо было? Радовались, когда мы плакали кровавыми слезами? Ничего, скоро и они заплачут тем же» (20 января 1945 г.).

Свой «кодекс» был у Контарева и относительно мародерства: «Костя Парасочка пошел посмотреть в другие дома, там нашел хорошенький шарфик, его увидел Сватковский и сейчас же отобрал. Отсюда надо делать выводы, что, если нашел что хорошее, никогда и никому не показывай, иначе отберут. Да, собственно говоря, ничего хорошего и не найдешь, так как передовые части прочищают и забирают все ценное. А барахло — на кой черт оно нужно? Ни одной тряпки не буду брать, если уж взять — так взять что-либо ценное, а тряпки на хрен нужны» (25 января 1945 г.).

Но впоследствии, оказавшись не в состоянии послать хоть что-либо трофейное себе домой в Донбасс, он пожалел о такой своей надменности. В то же время гнев у Контарева вызывает следующая «несправедливость»: «Все помещались на трофеях, уж не воюют, а собирают трофеи. Наше начальство просто машинами тащит. Где же справедливость, почему солдат не может для себя взять хотя бы часть того, что они привозят? Нет, нельзя!» (10 апреля 1945 г.).

Во втором случае дневник практически уже распрощался с войной, хотя война еще не распрощалась с миром, а все шла и шла — уже не на Западе, а на Востоке.

Еще 1 мая 1945 года 39-я армия была выведена в резерв, после чего ее передислоцировали в Монголию и 20 июня включили в состав Забайкальского фронта. В составе этого фронта армия поучаствовала в советско-японской войне, закончив свой боевой путь взятием 22 августа Порт-Артура (Люй-шунь).

¹ Директива Ставки Верховного Главнокомандования командующим войсками и членам Военных советов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов об изменении отношения к немецким военнопленным и гражданскому населению (ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 390. Л. 350–351). Цит. по: http://militera.lib.ru/docs/da/berlin_45/08.html.

Тут страницы дневника накрыла беспросветная тупость гарнизонной жизни оккупационной армии во всей своей серой красе: пьянки, раздраженное ожидание демобилизации и почти механическое продолжение отношений с Милой¹, перешедших на Дальнем Востоке в карикатуру на жанр любовного треугольника. Любимая ушла от Контарева к другому, но ушла потому лишь, как искренне думает двадцативосьмилетний старший сержант Контарев, что соперник его — офицер, майор Грязев, да еще заместитель начальника госпиталя по продовольствию!

Ах, как же он ненавидел это офицерье! Его внутриармейское социальное чувство, всю пылавшее в штрафной роте — ненависть рядовых к офицерам — тут, на Дальнем Востоке разгорелось с новой силой. Ну и гады же они! Не только славу нашу себе присваивают, но еще и наших невест уведят! Война не дала Контареву нормально развиваться, оставила его в вечных великовозрастных недорослях и в моральных садомазохистах. Он даже не замечает, насколько вздорен и инфантилен он сам во всех своих романах, да и в товарищеских отношениях тоже. Ничто и никто не выдерживал ровных и безоблачных с ним отношений.

Что касается массовой послевоенной демобилизации, то, согласно закону «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» от 23 июня 1945 года, она началась 5 июля 1945 года и предусматривала транспортировку демобилизованных до места жительства, обеспечение полным комплектом обуви и обмундирования и питанием в пути следования, а также выдачу единовременного денежного пособия за каждый год службы в Красной армии в годы войны.

В начале сентября 1945 года действие закона от 23 июня было распространено на войска, находившиеся на Дальнем Востоке. Затем, 25 сентября 1945 года, прошла вторая очередь демобилизации, в том числе женщин рядового и сержантского состава, кроме женщин-специалистов, изъявивших желание остаться на должностях военнослужащих; 20 марта 1946 года — третья очередь. Кроме того, в 1946–1947 годах были демобилизованы старшие возрасты личного состава советской армии, а в начале 1948 года — все остальные старшие возраста.

Если попытаться судить об истории Второй мировой войны только по дневнику Контарева, то самой войны с Японией как бы и не было, как не было и ядерных бомбардировок японских городов. Впрочем, ноль эмоций у него и по поводу 9 мая.

Тем неожиданнее встретить у Контарева политические размышления. Есть там и упоминание Фултонской речи Уинстона Черчилля, и геополитические камлания по поводу войны со вчерашними союзниками. А к концу дневника он позволяет себе такие, например, высказывания: «Если взять весь Советский Союз в целом, то получится величайший в мире океан несчастья, горя и невзгод, океан, в котором можно утопить весь наш земной шар,

¹ Ее госпиталь перемещался по войне почти параллельно контаревским штабам.

а что в результате получили шиш, огромнейший шиш, или, попросту говоря, дулю за все пережитое» (запись от 15 июля 1946 г.).

Так что не пришлось бы удивляться, если дневник этот обнаружился не у частных лиц, а в архиве КГБ.

Записи резко обрываются 14 ноября 1946 года на станции Тайга за Красноярском — на полпути в Европейскую часть страны. Так мы и остаемся в неведении, в Тбилиси ли едет наш герой, Александр Филиппович Контарев, или на родную Луганщину.

5

В своих «Побудительных заметках» Алексей Симонов написал:

«Рукописи — как люди, у каждой своя судьба.

Рукопись книги, которую вы держите в руках — бож. Трудно себе представить, сколько темных углов, ящичков, чемоданов, сумок сменили 12 разнотипных блокнотов и записных книжек, прежде чем попали в портфель издателя. Да и сегодня, когда я пишу эти, неслучайно названные “побудительными”, заметки, ее будущее в тумане и фигура речи, что кто-то держит эту книгу в руках — скорее выражение надежды, чем твердый издательский план. Но в России, как известно, надо жить долго, даже рукописям».

Какова же предыстория этой стопки тетрадей — дневников Александра Контарева?

К нам — ко мне и Николаю Поболу, с которым мы начинали работу над подготовкой этого дневника к печати, — они попали от писателя и правозащитника Алексея Кирилловича Симонова. Он же их получил от Галины Семеновны Евтушенко, которой, в свою очередь, они достались в 1978 году после развода с Евгением Александровичем Евтушенко. Тот же, в свою очередь, получил их по почте в 1970-е годы¹.

Далее снова процитирую А. К. Симонова: *«Эмоций эта рукопись у поэта не вызвала. Галина Семеновна, в свою очередь, руководствуясь принципом Экзюпери: “Мы в ответе за тех, кого приручили”, приняла эту рукопись как знак судьбы и пыталась ее пристроить для публикации. Так рукопись и попала ко мне, — не потому что я издатель, а по причине доброхотства в решении чужих проблем. Мне удалось в 2004 году напечатать кусок из нее в майском номере “Новой газеты”, но вот уже почти десять лет после этого я ищу людей, заинтересованных в свидетельствах непричесанной истории войны»².*

¹ Дневник заканчивается на станции Зима. Возможно, именно это обстоятельство — станция Зима — побудило автора или того, кто отправил дневник Евтушенко, обратиться именно к нему: поэт основательно позаботился о том, чтобы факт его рождения именно в этом месте стал широко известным.

² Контарев, 2004. Публикация вобрала в себя избранные записи за период от 30 апреля до 26 сентября 1943 г.

Сама стопка состоит, условно, из 12 разнотипных блокнотов, пронумерованных, вероятно, не самим Контаревым. Нумерация условная — еще и потому что два первых и вполне самостоятельных блокнота носят один и тот же номер — первый, а блокноты с номерами с 8 по 11 составляют, по сути, единый блокнот. Тожественность номеров двух первых тетрадей понятна: это и есть те самые «первая» (аутентичная) и «вторая» (для Милы) версии. После их сличения друг с другом были выявлены зоны несовпадения, после чего фрагменты из «второй», отсутствующие в «первой», были добавлены в публикуемый текст, но даются курсивом. Если совпадающие фрагменты имелись внутри добавляемого текста, то они изымаются и обозначаются отточием в угловых скобках.

Были и другие проблемы, связанные с подготовкой текста к публикации.

Та, например, что большим грамотеем Сашка Контарев с его неоконченным средним точно не был. Это прямо отразилось на стилистике дневника, но в особенности на пунктуации оригинала. Как справедливо заметил А. К. Симонов, рукопись *«требует виртуозной правки, потому что ее слабая грамотность — неотъемлемая часть ее сути»*. Предлагаемый читателю текст и представляет собой попытку такой правки. «Авторская» грамматика сохранена, а пунктуация осуществлена заново. Встречающиеся в оригинале сокращения раскрываются в тексте без оговорок.

В оригинале (в собрании А. К. Симонова) даты записей обозначены разнообразно — и цифрами, и цифрами со словами, иногда с подчеркиванием дат, чаще всего без. При публикации все даты вынесены на отдельную строку, а подчеркивания убраны. Отдельные записи графически отделены друг от друга, как и даты от текста.

Павел Полян

Дневник Александра Контарева

***[Штрафная рота. Смоленщина]
апрель — декабрь 1943 г.***

[Б. д.]

Сейчас начнется работа, чувствую себя довольно спокойно, возможно все кончится хорошо. Во всяком случае, для развития успеха нам подбросят роту и танки. Все, кончаю.

30.IV.43.

Пришли утром, до завтрака спали. После политинформация, в 12 пойдем на занятия «метание гранат» — это последняя генеральная репетиция перед боем. Вечера наступали под минометным огнем, а завтра идем на штурм высоты. Завтра — это 31 апреля¹, многие из нас погибнут для того, чтоб эта высота стала нашей. Я то

¹ В апреле 30 дней.

же самое, иду со всеми. Хотя судимость с меня [будет] снята 20 мая, но, несмотря на это, меня оставили в штрафной роте.

12⁰⁰. Занятия. Бегаем как сумасшедшие, сейчас по высотке будут бить минометы.

[1 мая]

1 мая — праздник весны и молодости — это ваш праздник. Желаем вам всем долгой, долгой жизни.

Желаю вам благополучно пережить тяжелые дни войны!

Ваша жизнь еще не успела начаться. У вас еще все впереди — и труд, и любовь, и устройство своей жизни, но будет ли все это когда-нибудь? Сейчас на вашем жизненном пути стоит смерть. Вы погибаете раньше, чем начинаете жить. Другие будут жить в тех комнатах, где жили бы вы, другие будут работать на полях и за станками, а вас не будет вовсе.

Другие будут плыть на лодке по реке в теплый летний вечер, греться на берегу реки под лучами июньского солнца — другие, не вы — вы будете гнить в земле. Другие будут обнимать женщин, смотреть им в глаза и целовать в теплые губы, — а вас будут есть черви.

В жизни будет, вернее, могло бы быть много хорошего, но вы сегодня обречены на неминуемую гибель.

Какой смысл гибнуть? Разве жизнь и молодость не самое ценное, что у вас есть? Сохраняйте свою жизнь. Смотрите смело и уверенно, вы потом всю жизнь будете благодарить судьбу.

[1?].VI.

Эжас. Что вчера было, страшно вспомнить. Из тех, что действовали, остался я да Гриша Томилец с выбитыми глазами¹. Начну по порядку. В 3 ч. дня началась артподготовка, мы пошли на штурм высоты. Немец отвечает, и крепко. Вскочили в окопы и поперли фрицев, перебили до хрена, начали закрепляться. Вдруг началась жуткая канонада, артподготовка, ну, сейчас пойдешь в контратаку. Так и есть, огонь перенес в глубину, бегут фрицы. Ну и началась работенка, сидишь да щелкаешь по одному, насчитал 25, контратака захлестнулась. Слева и справа у нас тоже действуют, немец перенес весь огонь туда, нам дал передохнуть. В 5 ч. вечера начал вторичную артподготовку, бьет и фугасами, и шрапнелью. Вой, визг, свист, треск жуткий, та же история, пошел в контратаку, но залег от огня нашей артиллерии, но все же еще 2-х успел снять.

Эх, черт возьми, если б вчера можно было писать дневник, чтобы описать все, что переживаешь во время боя, а вчера особенно был напряженный бой. Попробую так писать, как будто записываю во время боя. После второй контратаки небольшое затишье. Тихий, теплый, солнечный день. Кругом зеленая трава, деревья, а на нашей высоте все смешалось с землей. Жаворонок где-то высоко заливается, недалеко в кустах соловей свои трели рассыпает. Эх, как жить хочется, а там, где-то в тылу, сейчас народ веселится, даже к нам сейчас сюда доносятся песни, смех, крик.

Какая жуткая тишина, от нее сжимается все в комок. Хочется стать маленьким-маленьким, чтоб ничего не видеть и не слышать. Выстрелы немецкой артиллерии,

¹ Томилец Григорий Акимович (1919–?), ст. сержант и командир отделения той же 46-й штрафроты, ранен в бою 2 июня 1943 г. См.: <http://podvignaroda.ru/?#id=17030667&tab=navDetailDocument>.

вой снарядов и мин, взрыв, дым, пыль, все смешивается в общий гул. Артиллерия начинает бить чаще, подготовка к контратаке — это третья. Людей совсем мало, у меня уже двоих нет, лучшего моего друга Николая Осипова и татарина Шарипова, осталось 6 человек узбеков. Начинает темнеть, уже около часа бьет беспрерывно артиллерия, снаряды рвутся кругом и на земле, и в воздухе. Вот шумит снаряд, удар, не взорвался, второй, третий, и не пересчитать. Два раза засыпало землей, оглушило взрывом, ничего не слышно. Наконец-то стали дальше рваться. Метрах в 150–200 поднялись немцы, человек 100–150, вот бегут, трещат автоматы, ну будет дело.

Почему пулемет молчит, неужели нет никого слева, вообще никакой стрельбы? Только мои чурки¹ стреляют, а пользы от этого нет. Все, дело капут, пулемет испортился, осталось 6 винтовок да гранаты, хотя гранат много немецких. Бьет наша артиллерия, и слева заработал пулемет, разбираю свой пулемет, пружина лопнула, фрицы залегли, слева начали стрелять винтовки, а пулемет заливается.

Ночь кончилась, 3-я контратака. Артналет еще больший, и опять контратака. Откараскались² кое-как, у меня осталось 4 со мной, пошел к комвзводу, попросил людей, [тот] ничего не дал, говорит, жди подкрепления. Сагитировал лейтенанта одного и двух бойцов, теперь дело пойдет. Только выскочили с окопа, чтоб перебежать в мой окоп, началась опять артподготовка, лейтенант с бойцами куда-то смылся. Пока я его искал, эти долбоскребы подпустили фрицев очень близко. Я заметил, но было поздно, подошли на 25–30 метров. Я подбежал к узбекам, а они спят, поднял и прогнал, а сам взялся за гранаты, выкинул я их тогда штук 20 немецких и четыре наших, а затем смылся и сам.

Перебежал к своим ребятам, где сидели комвзвода, политрук, Гриша Томилец, Костеренко и 2 бойца. Я им сообщил, что с правого фланга зашли фрицы. Комвзвода и политрук сразу же ушли, осталось нас пятеро. Костеренко Николай, он помкомвзвода, ушел куда-то, фриц начал шестую контратаку. Пришел Костеренко и сказал, что подошло пополнение и он пойдет за ним, только он ушел, как очередью из пулемета убило еще одного и Грине выбило глаз и оторвало нос, осталось нас двое слева и справа, в траншее рвутся гранаты. Перевязал глаза Грише, просит, чтоб я его увел, но ведь приказа-то нет об отходе.

Фрицы залегли в 30–40 метрах, бьем только наверняка, когда они делают перебежку, патроны кончаются, гранат осталось две, вот одна немецкая шлепнулась на бруствере и шипит, присели, она долго не рвалась, я вспомнил о том, что можно схватить и бросать их назад, можно успеть. Опять артподготовка, бьет очень крепко, значит, опять пойдет в контратаку, ну теперь все, конец, вдвоем ничего не сделаем, а подкрепления все нет. Светает, вот полетели гранаты: две шлепнулись у нас, одна в окопе, другая на бруствере, я схватил ту, что в окопе, и послал назад, получилось удачно, и мне понравилось. Начал следить, чтобы не прозевать, таким образом я выкинул к немцам еще пять штук, одновременно стреляя по поднимающимся немцам, пока что укладываем всех на месте, еще ни один не перебежал. Второй парень хоть и узбек, но молодец, бьет без промаха, снял еще человек 10, считать некогда. Седьмую контратаку сорвали.

¹ То есть узбеки.

² Так в тексте.

Уже светло, пришел Костеренко и привел пулеметчиков, только они начали устанавливать пулемет, как снайпер снял обоих, прибежал связной и сказал, чтоб отходили, второго моего напарника Караходжаева ранило, еле-еле ушли.

Все-таки неудачно получилось описание боя, всех острых моментов не смог как следует описать. После боя пришел и сразу же лег спать, проспал до вечера.

2 июня.

Утро, солнце взошло после такого жуткого боя, не знаю, как вышел живой. Николай Осипов убит, Костя Репко убит, Гриша Томилец ранен в глаза. Остался я, Колодченко¹, Кузнецов и ещё несколько человек живых.

3–6.VI.

Ничего не делаю, в живых из тех, кто принимал участие в бою, осталась ерунда.

6.VI.

Собрали остатки, вернее весь сброд, и отправили в 4-й батальон. Ночь переночевали на КП батальона.

7.VI.

Попал с Дядей Васей Колодченко в 1-ю роту, вечером пришел в роту, попали с ним в один взвод, и опять началась окопная жизнь.

7–25.VI.

Все идет по-старому. Сидим в окопах, если не считать того, что ходил опять в разведку боем.

25 июня.

Вызвали в штаб батальона, сказали, будут учить на артиллеристов.

26 июня.

Обстановка изменилась, завтра пойдем опять на высотку вместе с разведчиками. К чему все это, к чему весь этот обман? Сначала говорят одно, а затем делают другое. Теперь я уж не уйду живой.

26.VI.

<...> Ну теперь уж моя головушка свернется набок. В начале этого месяца много писал докладных, чтоб меня направили по специальности «командир танка», но ни от кого не получил ответа, все молчат, как будто воды набрали в рот. Сегодня еще написал докладную нач. 4-го отд. 134-й сд, но ответ, по-видимому, опоздает. Эх! Черт возьми, ах как хочется жить, прав Маяковский, когда говорил: «И жизнь хороша, и жить хорошо».

Награду еще не получил, представили к «Красной Звезде»².

¹ Колодченко Василий Мелентьевич, он же Дядя Вася (1904–?), рядовой, связной 46-й роты, за участие в бою под Вербино награжден медалью «За отвагу». См.: <http://podvignaroda.ru/?#id=17030667&tab=navDetailDocument>.

² Имеется в виду орден Красной Звезды (см. во вступительной заметке).

27.VI.

Утро тихое, солнечное, тепло, соловьи заливаются вовсю, готовимся к бою. В 4 часа дня действуем, если вернусь, то опишу все...

Вот и все, бой окончился, так, ерунда, на этой высотке, оказалось, нет никого, только людей перебил паразит много — из батальонной разведки троих да из нашей группы человек пять.

31 июня.

Я пока что командиром взвода ПТО¹, но это меня мало радует, ведь опять-таки я не по своей специальности пошел, а это еще хуже в тысячу раз от пехоты. Утром вызвали в полк, наконец-то получил сегодня награду², но опять-таки с моими докладными ничего не получилось, сколько ни писал, все безрезультатно. Пришел с полка, мне сообщили, что взвод находится на новом месте. На новом месте пока тихо и спокойно³.

1–2.VIII.

Ничего не делаем, кроме занятий, да спим. Писем нет ниоткуда.

3 августа.

Проснулся очень рано от артиллерийской стрельбы. Бьет немец, наши молчат. Заставил вырыть окоп на случай арналета. Ночью так и получилось. Сделал два налета на то место, где мы стоим, а затем всю ночь до самого утра продолжал стрелять. Что с ним случилось? Вот уже сегодня 4-й день непрерывно бьет артиллерией и минометами.

4 августа.

С утра тихо и до обеда, после обеда начал опять стучать и вот сейчас непрерывно бьет, бьет и бьет. Это уже так надоело, что лучше пойти в наступление, чем ждать здесь смерти. Солнце все ниже и ниже опускается к горизонту, скоро ночь, а там опять непрерывное сидение в окопе, да и погода, как назло, исключительная стоит. Вчера 12 Ю-87⁴ бомбили недалеко, вообще у него последнее время какое-то оживление. Везде поспевают, и на юге, и под Орлом, и у нас, и под Ленинградом, сам черт [не] поймет в чем дело.

5–10 августа.

Все идет по-старому, каждую ночь делает по 2–3 арналета.

¹ Противотанковых орудий.

² См. во вступительной статье.

³ Ср. во «втором» изводе: *«Наш батальон перешел в район д. Пузино. Пошел с полка к ним, место хорошее, да и стоим во втором эшелоне».*

⁴ Юнкерс-87 — одномоторный двухместный низкоскоростной пикирующий бомбардировщик и штурмовик. Нем. сокращение — «штука» (от нем. Sturzkampfflugzeug — штурмовик). Красноармейцы называли Ю-87 «лаптёжником» (за неубирающиеся специфического вида шасси) или «певуном» (за вой сирены, включаемой во время пикирования).

11 августа.

Сегодня сообщили, что завтра будет «игра» на рассвете, это, по-видимому, последняя у меня, сейчас все приготовил, сложил в мешок, осталось дожидаться завтрашнего утра. Что будет завтра? Недаром Ленский пел: «Что день грядущий мне готовит? Его напрасно мой ловит взор, В глубокой тьме таится он. Паду ли я стрелой пронзенный Иль мимо пролетит она...»

Да, теперь она мимо не пролетит, а как раз попадет в меня, как все-таки жалко, что мало прожил и мало сделал, хотелось бы сделать что-то большее для нашей страны, но ничего не сделаешь: на войне без жертв не бывает.

Вот сейчас началась обычная симфония для передовой, непрерывный вой снарядов и взрывы, и это перед боем, а что будет завтра? Просто трудно себе представить. Хотел Аннушке Беровой написать и отцу в Копейск, но не стоит расстраивать их раньше времени. Я думаю, что если кто найдет этот блокнот, то напишет им обо всем. Кончаю на этом писать, если останусь жив, то продолжу. «Прощай, прости, тебя я больше не увижу. Как хорошо сейчас на свете жить. Но ничего, пусть поживут другие, а я об этом и не стану больше тужить».

12 августа.

Ночь прошла спокойно, утром узнал, что операцию отменили по какой-то причине. Как уж надоело все это: то готовиться, приготовились, откладывают, уж если начинать, так начинать не раздумывая. Все равно один будет конец, да и кроме того — так надоели ожидания все эти. Вот и сейчас снаряды воют и воют, сидишь и ждешь конца, надоело все это до чертиков. Ну что ж буду петь опять: «Что день грядущий мне готовит?...»

От Ани нет письма, да и вообще никто не пишет, все отказались. Настроение хреновое.

12 августа.

<...> После обеда начали собираться. Завтра в 7.00 утра идет наш батальон на прорыв. Ночью вышли на исходную, подошли к проволочному заграждению и окопались, пушки сзади мои.

13 августа.

6 ч. утра, попробую писать во время боя. Ну, начинается, заработала «Катюша», и сразу вся артиллерия застучала. Немец молчит, начинает отвечать, бьет по лесу, а мы далеко от него. Все, зеленая ракета, пошел. Тишина. Оборону 1 и 2 линии прорвали, впереди противотанковый ров. Потери огромные, что будет, не знаю. Спешу записать, настроение пока хорошее, слева и справа соседей начал бомбить. Пошли...

Положил всех возле противотанкового рва. Лежим, солнце печет невыносимо. Идут самолеты, кончил писать. 30 штук отбомбились и ушли, идет еще партия. Все, хана и три палочки. Эх, была не была, буду писать! Вой, свист, взрывы, гул моторов, идут самолеты непрерывно по 6–9–12 штук, и все за один заход разгружаются. У, сволочь, засыпало и оглушило, разорвалась недалеко. Кто будет читать эти строки, никогда не поверит, что они записаны во время боя. Ну, ебит твою мать, бьет и с воздуха, и с земли, ничего не поймешь, кромешный ад, ничего не слышно.

Самолеты ушли, небольшое затишье. Пролежали до вечера, ночью отойдем.

13 августа.

Все бомбит беспощадно. Вот только сейчас я понял свою беспомощность командования. Авиация улетела, он начал бить с артиллерии прямой наводкой и минометов, наши молчат, как будто воды в рот набрали. Что будет дальше, не знаю. Хотя бы убило или ранило, или избавился совсем бы от этого кошмара, или отдохнул хотя бы немного! А все дело в том, что надо, надо тянуть пушку на себя, а люди отказываются, и опять-таки виновен я. Говорил об этом комиссару, говорил начальнику штаба, и все безрезультатно. Все говорят: тяните пушку и снаряды на себе, но ведь люди-то не лошади и не машина, что запряг и вези. Провезли километр, а дальше ни туда ни сюда, что делать, хоть бери и стреляйся. Положение жуткое. Придется проститься и с орденом и опять идти в штрафную, сначала начинать все. Идут опять самолеты, опять начнется катавасия. Скрыпуха¹ ударила, а наши ни гугу. Итак, буду ждать, что будет.

14 августа.

Отошли, поужинали и опять пошли да попали между нашей и немецкой оборонной, нас «покрестили» с двух сторон, вернулись назад. Лег под кустом и уснул как убитый. Утром сообщили, что расчеты мои оба накрылись.

<...> Все переживания, оказывается, вообще трудно описать, бомбили часа два, уже ушли.

14 августа.

Ночь спал как убитый. Вчера двух убило и троих ранило немецкой шрапнельной миной, когда везли пушку. Утром позавтракал, пришел к начальнику штаба, он оставляет меня писарем батальона. Хреново, но ничего не сделаешь, ходили с Гуреевым Андреем на передний край, попали под арт-минометный налет. Перед обедом опять бомбили. Бомбят крепко. Сейчас откуда-то близко бьет прямой наводкой по нас и обстреливает с пулемета.

21 августа.

Эти дни хожу как дурной, ходим в наступление два, три раза, нервы напряжены до предела, вот-вот лопнут. Эх, и надоело все это, каждый день прощаемся с белым светом и думаешь о том, чтоб убило или хотя бы ранило, но ни то ни другое не приходит. <..>

21 августа.

Эти дни прошли как во сне. Хожу совершенно дурной, нервы напряжены до предела, каждый день бываю под минометно-артиллерийским огнем, но пока что и жив, и не ранен. Эх, а как надоела вся эта музыка. Оказывается, не одним фрицам надоела война, но и у нас она уже всем плешь проела. Я каждый день только и думаю о том, чтоб убило или ранило, но ни то ни другое не приходит, а скорее всего, что сразу убьет, как тварь негодную.

¹ Скрыпуха (скрипуха) — одно из фронтовых прозвищ немецкого 6- или 10-ствольного 150-миллиметрового реактивного миномета (установки залпового огня) «Nebelwerfer 41». Это название он получил за протяжный и скрипучий вой при залпе. Другие его «клички» — Ванюша и Ишак.

На днях получил открытку от Згуры, в которой он сообщает, что Аннушка¹ погибла, где, каким образом — ничего не пишет. Хотел написать ему письмо в ответ, но решил: когда закончится эта операция, тогда напишу везде — и домой, и Згуре — всем, а пока помолчу. Ну, началась обычная для дня симфония. Из ГУАИДС КА² ничего не слышно, правда сообщили, что мое письмо направлено начальнику отдела кадров. Но это все липа, и от этого получится пшик. Получается так.

Напрасно, Сашка, пишешь,
Напрасно ответ ждешь,
Ничего ты не получишь,
На тот свет ты попадешь.

Ходил в поле, пробыл там до вечера, вернулся оттуда, переночевал на КП 560МП³.

22 августа.

Наш батальон расформировали, а нас передали во 2-й батальон. Из 300 чел. осталось человек 20 да мин[ометная] рота. Батальон стал в оборону, делать нечего, сиюю скучаю. <...>

22 августа.

Утром пришел на КП батальона, оставили пока при ячейке, что будет дальше, не знаю. Часа два назад сделал огневой налет, но все обошлось благополучно. Целый день ни хрена не делал. Сидеть на месте скучно, я привык к кочевой жизни. Сегодня — здесь, завтра — на новом месте.

Вечер, солнышко садится, прекрасный летний день, но он абсолютно не радует, да и радоваться нечему. Сильно скучно за Аннушкой: почему-то не верится, что ее нет в живых.

23 августа.

Ночь прошла спокойно, утром должна быть игра. Позавтракал пока что, везде тихо и спокойно. Огневые налеты делает очень часто, а утро какое замечательное, августовское утро! Но это все абсолютно не радует, и в особенности угнетает то, что потерял Аннушку: почему-то не верится, да и кроме того — просто какая-то загадка. Надо написать Згуре и узнать подробно обо всем.

Жуткое одиночество, не с кем поговорить. Всё, друзей нет никого: кто убит, кто ранен — остался один, даже поговорить не с кем. Дядя Вася⁴ ушел в санроту — рана вскрылась. К кому пойти поговорить, с кем поделиться наболевшим? Абсолютно нет никого, письма писать нет никакого желания, а надо написать. Похудал очень сильно. Эх! хотя б что-либо: или убило, или ранило, чтоб хоть на несколько дней вырваться из этого ада.

Вечером собрали всех и отправили в 1-й батальон. Ну хоть несколько дней поживу спокойно!

¹ Здесь — Анна Берова. Не путать с Анной Зубревской из Красноводска!

² Главное управление автотракторной и дорожной службы Красной армии.

³ Командный пункт 560-го МСП.

⁴ Колодченко.

**Сердечно благодарим всех,
кто поддержал наш крауд-проект на Planeta.ru!**

Наши спонсоры:

Чемоданов Валентин Александрович

Лебедев Алексей Олегович

Вершинин Иван Владимирович

Моргун Михаил

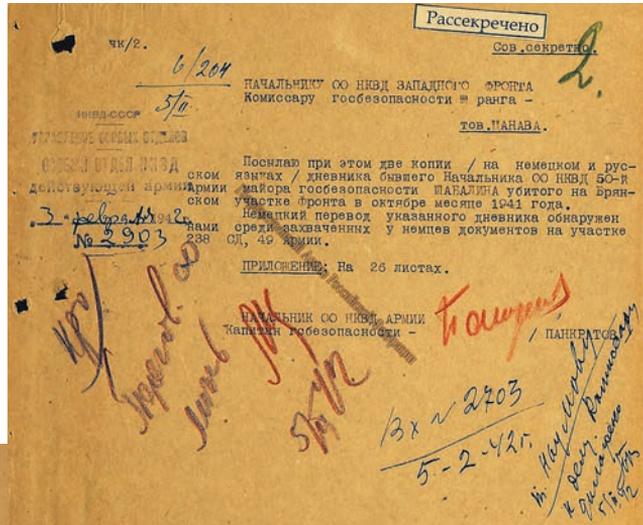
Зимовец Максим Владимирович

Мельниченко Михаил, Михайлов Дмитрий, Снытникова Дарья Алексеевна, Гаранжа Михаил Владимирович, Брунова Елена Георгиевна, Кузина Ирина Арсентьевна, Белокуров Кирилл Анатольевич, Коршунов Андрей Владимирович, Нараевский Алексей Викторович, Васильев Дмитрий Юрьевич, Николаи Федор Владимирович, Соловьев Сергей Михайлович, Песин Яков Александрович, Селеев Сергей, Федорова Наталия, Мудуев Шахмардан Ситтикович, Терушкин Леонид Абрамович, Пимонов Андрей Юрьевич, Шепин П.Л., Петухова Татьяна Вадимовна, Черепанова Ольга Аркадьевна, Пахомова Лидия Юрьевна, Егорова Наталия Валерьевна, Клячко Леонид Александрович, Валиулина Д.С., Коткин Кирилл Леопольдович, Толстой Василий Михайлович, Киселев Владислав Борисович, Храпов Сергей Александрович, Ломов Р.С., Ильиненко Николай Александрович, Юрчук Жанна Валерьевна, Бахтигареев Руслан Робертович, Филиппов Александр Вячеславович, Сидельникова Ольга Азарьевна, Герасимов Всеволод Кирович, Никитина Елена Павловна, Григорьев Е.М., Алешин Владимир Сергеевич, Вздыханько Галина Викторовна, Никитяев Александр Борисович, Воронов Н.Д., Grigorii, Егоров Дмитрий Владимирович, Разинкина Екатерина Станиславовна, Гродницкая Марина Янековна, Остряков Дмитрий Валерьевич, Ермолаев Никита Александрович, Козлов Александр Александрович, Швагерев Альберт Викторович, Мудуев Шахмардан Ситтикович, Сергиевский Дмитрий, Лукина Татьяна, Гурьянов Александр Эдмундович, elvira.osipova, rud_62, kerzuman, azizbaewa, dzvdzv2020, Павел vpvso, antares030587, anna.lisitsa77, dr.anastasia, tt1992, ekatiav, nikitakovalenko17, kolnik68

Иван Шабалин

Майор госбезопасности
И. Шабалин

TAGEBUCH
des Majors der N.K.W.D., Leiter der Besonderen Abteilung der N.K.W.D. bei der 50. Armee, gefallen nördlich Karatschew.

12.8.41:
Um 7.00 Uhr morgens fuhr ich mit dem Personenzug Nr. 3 von Ulan - Udá nach Moskau.
Zum Bahnhof begleiteten mich: Nadjeshda, Petrow, Iljin und Kosyrjew. Mein Eindruck: Für lange, ja vielleicht für immer, trenne ich mich von meiner Familie und meinen lieben, guten Freunden.

17.8.41:
In Krasnojarsk traf ich Bakulin nicht. Unterwegs war es schrecklich langweilig.

18.8.41:
Auch in Swerdlowsk traf ich Leonin nicht. Ganze 4 Stunden stand ich auf dem Bahnhof herum.

19.8.41:
Unterwegs habe ich viel gelesen. Ich kaufte mir Beeren. Auf jeder Station halten wir lange.

21.8.41:
In Moskau angekommen, begab ich mich sofort in das OK (Besonderes Kommissariat) und erhielt zu meinem Erstaunen sofort eine Ernennung.

22.8.41:
Ich beginne mit der Aufstellung der Besonderen Abteilung der 50. Armee.

23.8.41:
Ich war im Volkskommissariat. Las den Befehl. Habe den Dienstrang eines Majors der Staatlichen Sicherheit erhalten.

Сообщение НКВД
об обнаружении немецкого
трофейного дневника

Начало немецкого перевода
дневника

Вх. 8679
12/3-42.
ССФР

1а

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

4 марта 1942 г.

№ 54/03

6

НАЧАЛЬНИКУ ОСОБОГО ОТДЕЛА ЗАПАДНОГО ФРОНТА
=====

Направляется Вам немецкий перевод дневника майора госбезопасности ШАБАЛИНА, начальника особого отдела 50 армии, разосланный командованием немецкой 2 танковой армии по воинским частям.

Надпись на обложке гласит:

Командование 2 танковой армии.

Отдел 1 С/АО.

Штаб армии, 3.11.41 года.

При сем передается Вам дневник майора НКВД ШАБАЛИНА, начальника особого отдела НКВД при 50 армии, погибшего севернее Ка-рачева.

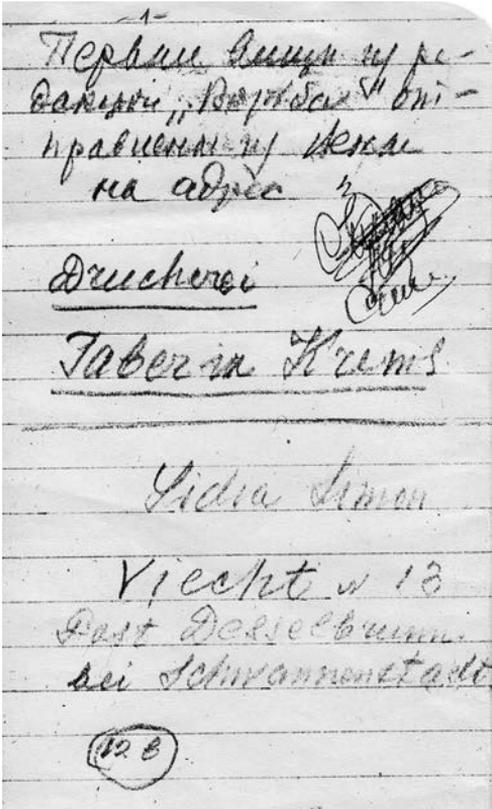
Он дает интересную картину настроения командующего 50 ар-мией генерала ПЕТРОВА и его ближайшего окружения во время битвы за Брянск и характерен для боевого духа противника. Он показывает, что трудности управления войсками и напряжения войск у противника зна-чительно большие, чем у нас.

Дневник следует использовать в работе с войсками.

За командующего танковой армией -
начальник штаба армии /ПОДПИСЬ/.

ПРИМЕЧАНИЕ в конце. На этом дневник кончается. На следую-щий день, 20.10.41, ШАБАЛИН встретился с генерал-майором ПЕТРОВЫМ, вместе с которым он погиб в 16 часов по полудни юго-западнее Пасека.

НАЧАЛЬНИК 7-го ОТДЕЛА ПУ ЗАПФРОНТА
БРИГАДНЫЙ КОМИССАР /НИКИТОВ/.
Бат. комиссар А. Шаров.

Страница дневника Г. Томина

Группа интернированных репатриантов («добровольцев смерти») перед отправкой в СССР

После войны. 1946 г.

31

фев. промышленность разбита и стоит на
 70% русские люди ко всем воевать
 замучивают коммунистов и их власти
 во в свободные главные квартиры фронта
 свободные, это на всем фронтные
 упрямые оборонительные бои, сражаясь
 через гору все вершины, от кого все
 там мажора армий обороняется, если
 Красной армии почти не существует и
 она разбита, а русские люди не хотят
 замучивать советскую власть //

13го С утра и до ночи шел дождь снег вместе
 Машин в воде образовались вода, но в воде
 слыши, что Красные проворны фронт по
 Неправильно в Сталинко. С фронта ни
 чего не слышно весь день и по спокойна

14го Отец снова рассказывает, что на Базаре у
 трафика в Виссела, введено объявление
 О критичности чужих в в. л. школу учени
 ского пола от 10 до 2 года. С фронта
 слышно орудиные выстрелы на море всю
 ночь слышны прожектора. Погода утром
 небольшая туман, с дождем, туман и в море
 ни капли воды. В море туман в море
 слышно прожекторы туман в море
 что приходится переходить болота в море.

15го Погода на дворе благоприятная температура
 понижается до 15%. видна Р. Сегодня в
 Кресель, на Базаре большое скопление
 народу, по средине базара кабина все
 меньше упрямки Виссела и на ней
 висят сотни человек мертвых все
 молодые старшему из них на виду
 около 35 лет. За Карид вижу повешены
 много объявление много объявление
 леко как это было при расстреле

Павел Маркович Полян — историк, географ и, под псевдонимом Павел Нерлер, филолог и поэт. Родился в 1952 году в Москве. Профессор, председатель Мандельштамовского общества и директор Мандельштамовского центра НИУ ВШЭ. Доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН. Автор или составитель многих десятков книг, в том числе: «Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на Родине» (1996, 2002); «Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР» (2001); «Сталинские депортации. 1928–1953» (2005, совместно с Н. Поболем); «Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы» (2006, совместно с А. Шнеером); «Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста» (2008, совместно с А. Кохом); «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). Документы и материалы» (2010, совместно с В. Козловым и др.); «Между Аушвицем и Бабьим Яром. Размышления и исследования о Катастрофе» (2010), «Территориальные структуры — урбанизация — расселение: теоретические подходы и методы их изучения» (2013); «Свитки из пепла. Жертвы и палачи Освенцима» (2015, 2016, 2018), «Историомор, или Трепанация памяти. Битвы за правду о ГУЛАГе, депортации, войне и Холокосте» (2016); «Географические арабески: пространства вдохновения, свободы и несвободы» (2017), «Борис Меньшагин. Воспоминания. Письма, Документы» (2019). Лауреат или финалист премий им. А. Блока, им. А. Гайдара, «Просветитель», «Новая словесность» и др.

Это книга об эго-документах (документах личного происхождения) и книга из эго-документов. Эмпирическую ее основу составили 12 уникальных дневников военного времени, написанные представителями широкого типологического спектра участников и жертв войны: двух красноармейцев в действующей армии (особиста и штрафника), одного коллаборанта, трех военнопленных, четырех оstarбайтеров и двух лиц, переживших оккупацию, в том числе одной узницы гетто. Снабженные необходимым научным аппаратом, эти же дневники являются полноценными автономными публикациями, насыщенными малоизвестными событиями, деталями и ракурсами. Сами по себе такие документы — необычайная редкость, их ведение — почти что подвиг, а их авторы, несомненно, услышали в себе зов истории.

ISBN 978-5-4469-1814-0

9 785446 918140